

КРОКОДИЛ

№ 7 • 1994

ISSN 0130 • 2671

При любой социальной системе
Не изменит он рыцарской теме.
Ланселот Дон-Кихота сильнее:
Обожают его Дульсины.

А. СИВИЦКИЙ,
Ю. ТИМЯНСКИЙ.

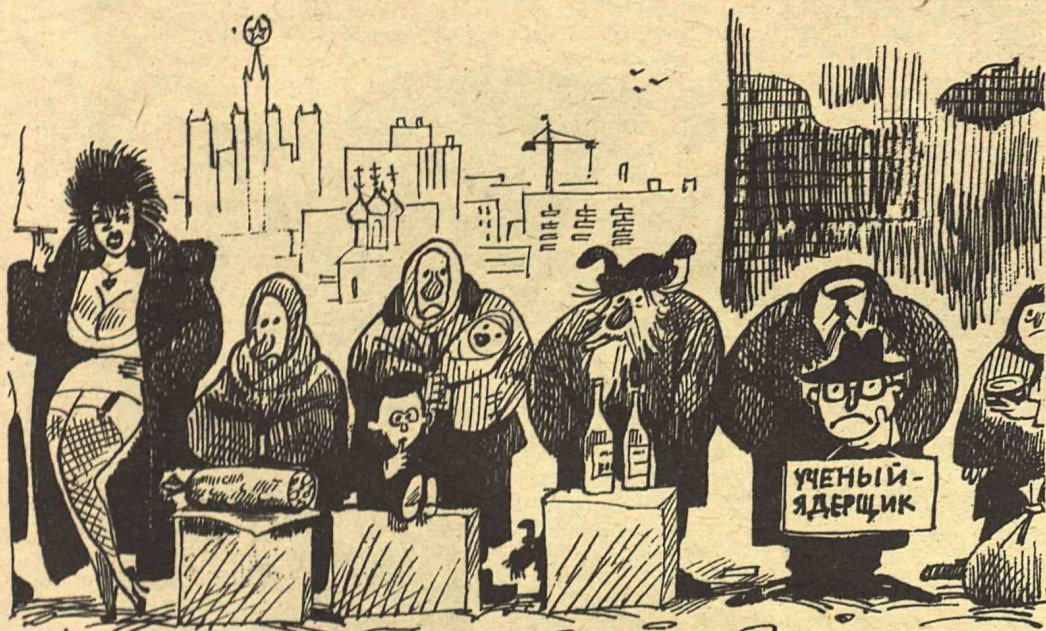
В этом номере вам улыбаются:

- Александр АБДУЛОВ
- Борис ФЕДОРОВ
- Инна КАШЕЖЕВА
- Алексей БАТАЛОВ

И. ЛОСОСИНОВ.

В. МОЧАЛОВ, А. КЛИМАН (тема).

В. МОЧАЛОВ.

А. ВАСИЛЕНКО, г. Киев.

«НЕТ, Я НЕ СЕКС-ЗВЕЗДА»

Александр
Абдулов:

СОРОК ДВЕ ОШИБКИ

Папа почему-то решил, что я обязательно должен стать Качаловым. Не ниже. И поэтому на вступительных экзаменах в Щепкинском училище я читал только монологи Незнамова. На полном серьезе. И не поступил с формулировкой: «Несоответствие внешних и внутренних данных». Что это такое, я до сих пор не знаю, но тем не менее именно с такой формулировкой отвалил обратно в Фергану.

На следующий год поступал по кругу во все театральные институты и прошел везде. В итоге выбрал МХАТ (а документы у меня лежали в «Щепке»). Но щепкинцы поняли, что я от них сваливаю куда-то в другой институт, и не отдали документы. Я уж и так, и сяк. С братом передал, что вообще уезжаю из Москвы, брат приходил с милиционером забирать эти бумаги. Наконец, отдали, но при этом сказали: «Передайте ему, что он во МХАТе учиться не будет!»

В общем, дали слово отомстить. А я-то считал, что уже практически принят. Но вдруг оказалось, что сочинения проверяет педагог... Щепкинское училище! И после того, как я с экзамена вынес сочинение брату и тот вычитал (брат был преподавателем русского языка и литературы), в моей работе нашли-таки сорок две ошибки. Меня зарубили. Видимо, у них были свои правила русского языка.

А набор-то везде уже закончен! И почему меня ноги понесли в ГИТИС, не знаю. Пришел к секретарю ректора, там некая Тамара Хасановна была. (А ректор МХАТа уже обзвонил все институты, сказал: придет парень такой, помогите, если сможете, у нас с ним ЧП приключилось.) И, значит, она спрашивает: «Это ты?» — «Я», — говорю. «Ну, давай проверим твоё счастье. Вот сейчас я набираю телефон, и, если декан актерского факультета дома, она придет. Нет — не судьба». Накручивает номер, и декан отвечает: «Я сейчас приду». Пришла, послушала меня: «Как раз идет заседание ректората, и там сидит Иосиф Моисеевич Раевский, который набирает курс». Для меня «Раевский» — только имя, я его до тех пор и в глаза-то не видел. Вхожу. «Кто из вас, — говорю, — Раевский?!» (Такой наглости никто от меня, разумеется, не ожидал. Но это от зажима, конечно.) И так: «Кто Раевский?» — «Ну, я». — «Давайте я вам читать буду». Он послушал, потом вывел меня и сказал: «Ладно, чтоб ты не сделал опять сорок две ошибки, сочинение сдавать не будешь». И взял меня в институт на свой курс.

«СЕРЕЖА, ТЫ МЕНЯ УБИЛ!»

Соловьев пригласил меня в картину «Под звездным небом» на эпизод, где я играю в чудовищном гриме алкаша. Тот со своим напарником на аэродроме ворует баки от самолетов и продает дачникам для душа. Ма-аленькая такая сценка: приношу этот бак, а Ульянов его покупает. «Так это же, — говорит, — от бомбардировщика!» — «Ну и что, что от бомбардировщика?!» Вот такой эпизод. И все.

Я пришел, сняли. А через неделю — звонок. Сергей Александрович говорит: «Понимаешь, Саша, так получилось — мы посмотрели материал, забавно! А у меня по сценарию персонаж, которого играет Ульянов, умирает. Вы вроде так хорошо с ним разговаривали — тебе необходимо быть на похоронах. Давай мы продлим твою роль». Продлили. Как только на похоронах начинали играть Гимн Советского Союза, я принимался орать: «Я этого не вынесу!» Сняли и это.

Через неделю опять звонок: «Пони-

маешь, ты ведь был на похоронах и так там убивался по поводу кончины, что на поминках-то тебе обязательно надо появиться». Сняли эпизод на поминках.

Все хорошо, но через неделю опять звонок: «Ты знаешь, у меня по сценарию вся семья уезжает в Америку. А ты так здорово на поминках прощался, что проводить-то уж должен». Сняли проводы.

Через неделю еще звонок: «Саш, ну, тут вообще такая ситуация, я в конце всех убиваю, давай и тебя убьем?» Я говорю: «Давай». И сняли, что меня убивает шальная пуля, когда я несущий пропеллер от самолета. Я только и успел при этом сказать: «А вентилятор-то как же?» И умер.

И вот после этого — вновь звонок. Говорю: «Сережа, все! Все-о! Ты меня убил!» А он говорит в ответ: «Вот в этом-то и дело! Будем снимать похороны».

«У-У-У-У...»

В «Двенадцати стульях» я играл маленькую роль мужа Элочки Людоедки — инженера Шукина, который голым стоит на лестничной клетке. Играл я там без дублера. Подумайте, каково это: то-о-лько все в жизни начинает складываться нормально, вдруг — бах! — по первой программе телевидения голым на весь Советский Союз, наутро повторяют еще... Тоже, секс-звезда, понимаете ли... Голый-то и значит голый, в фуфайке уже не выйдешь.

А снимали мы это в нормальном доме на нормальной лестничной клетке. То есть приехали, позвонили в дверь, открыла нормальная женщина. Говорят: «Извините, вот артист Абдулов, можно мы у вас его намылим?» И вот я мылюсь себе спокойно, ничего не подозреваю. А в это время по дому слух пошел, что голого Абдулова выводить будут. Народу много набежало, причем одни женщины. А я-то этого не знаю!

Входит ко мне администратор: «Саша, давай, все готово, выходи. Там Марк Захаров, Нахабцев — оператор, Мионов...» Я так спокойно открываю дверь... «А-а-а!» (Немая сцена.) «Я не пойду! Что хотите делайте, но я не выйду!» Народу говорят: «Товарищи! Разойдитесь, актер стесняется, молодой еще. Потом в кино посмотрите». Ни в какую! Тогда Захаров говорит: «Саш, ну выходи, работа такая». Набрался я смелости, открыл дверь — и как на амбразуру! И тогда вся толпа сделала так: «У-у-у-у...» И разошлась.

УДАЧУ ЛОВЯТ НА ЖИВЦА

Один-единственный приз я получил на «Золотом Дюке» — за лучший трюк года. Это когда меня за ноги поднимали на кране в картине «Убить дракона».

Снималось это в Гданьске. В порту нашли такой огромный подъемный кран, который на сорок пять метров может поднять. К ногам привязали крюк, весящий килограммов сто пятьдесят. Рыбаки, в общем, знают, как ловят на живца, так я был то же самое...

И вот меня — блюк! — в воду, а потом за ноги на сорок пять метров вверх... Хорошо еще, что все это достаточно быстро происходило: крюк-то на дно тянет! Да я еще связанный там!

А съемки были совместно с немцами. И Захаров поинтересовался как-то раз у немецкого продюсера:

— Вот если б ваш актер так сделал, сколько бы он получил?

— Да это просто невозможно! Существуют же каскадеры!

— Нет, ну вот если б все-таки актер? А?

— Это очень сложно, да еще подъем на сорок пять метров. Ну-у, тыщ сорок —

пятьдесят марок за дубль он бы получил...

За дубль! Я сделал 16 дублей, и все за одни суточные.

И когда Захаров мне рассказал, сколько бы я мог отхватить, я дня два ходил такой задумчивый, делил-умножал, прикидывал, кому какую машину бы купил, какую себе бы оставил...

ОЗАРЕНИЕ

Ехал однажды с банкета. Ну, выпил рюмочку-другую. И — конечно же! —

останавливает меня инспектор ГАИ. И что-то у меня сработало: я стекло приотпустил, и... Почему я это сказал, не знаю. Но он ко мне подходит, я ему: «Вы — выпимши».

И угадал!

Он говорит: «Ну, ла-адно, что вы!»

— Как вам не стыдно, инспектор! Как вы можете?!

— Да ладно вам... Холодно же, зима! Ну хорошо, езжайте, только осторожно-нее.

И я уехал.

«И ЗАКОЛОТИ ЭТО!»

Евгений Павлович Леонов не терпел, когда кто-то говорил реплику, на которую была более сильная реакция, чем на его слова.

В «Оптимистической трагедии» он играл Вожжака, а я — Сиплого. И вот такой эпизод: в спектакле сверху из какого-то лаза появлялся человек и начинал петь. И я просто говорил ему: «Ну-ка, уйди отсюда!» И все. Но в зале почему-то смеялись.

Так однажды на спектакле, только я рот открыл, Евгений Павлович опередил меня: «Ну-ка, уйди отсюда!» Потом перевел взгляд с этого человека на меня и добавил, кивнув на лаз: «И заколоти это».

КОНЦЕРТНЫЕ РЕКОРДЫ

Эта история произошла в Казахстане, в Алма-Аты... В Алма-Ате... В прошлые времена актеры мало получали и в театре, и в кино — хватало лишь на «существование». А палочкой-выручалочкой были концерты. Мы с Леной Ярмольником являлись ударниками этого дела. Как-то сидели в компании Мионов, Калягина... Я спросил:

— Сколько концертов можно дать за три дня?

Андрей ответил:

— Ну, шесть. По два концерта в день.

— Думайте!

— Девять?

— Думайте!

— Да нет... Ну, как... Сколько ж можно сыграть... Ну-ну...

— Думайте!

— Десять — это уже сумасшествие.

Мы же с Ярмольником побили все рекорды для закрытых помещений: 31 концерт за три с половиной дня!

Построено было так: Леонид всегда начинал и заканчивал выступления, а я выходил в середине. (Один раз я даже десять минут держал самолет — рассказывал анекдоты членам экипажа, чтобы Ярмольник успел «отконцертиться».)

Так вот, в столице Казахстана мы, прилетев, хорошо посидели в номере гостиницы — аж до четырех, до полпяти. А в семь или семь тридцать утра уже был концерт на тамошней фармацевтической фабрике, где делали пиримидон. Меня Ярмольник разбудил, прислонил, сказал: это — галстук, это — рубашка, это — брюки. Он все это на меня надел, и мы поехали.

А на фабрике видим «красный уголок», где сидит горстка казахов в фуфайках, а сверху халаты белой белизны. Внимательные такие — и хотели бы нас понять, да в такую рань разве до концертов...

Я говорю Лене: «Ты попробуй начать, но я уж — сам понимаешь — с твоего позволения, недолго». Ярмольник вышел, очень доходчиво объяснил, зачем мы приехали, кто мы такие, о радости, которую мы дарим людям, и так далее. Потом заявляет:

— А сейчас я хочу пригласить на эту сцену артиста, которого вы знаете по многим кинокартинам...

Три хлопка, и я выхожу. Вижу вот эти семь с половиной лиц и понимаю: что бы я им сейчас ни рассказывал о современном театре, о Тарковском, о проблемах искусства — нет, пустой номер!

И тогда я секундочку выждал.

— У вас, — говорю, — вопросы есть? (Пауза.) Если нет вопросов — Леонид Ярмольник!

И когда Ярмольник, едва-едва успевший достать сигареты со спичками, бросил все и зашагал на сцену, я произнес приглушенным тоном: «Ну, извини».

Это был самый короткий концерт в моей жизни.

Записал Евг. ДЕДОВ.

ДУМА ДУМАЕТ...

ИЗ ПАРЛАМЕНТСКИХ СТЕНОГРАММ

И. Л. ЛУКАШЕВ. Уже третий день подряд мы не занимаемся ничем и заканчиваем работу абсолютно безрезультатно. Сегодняшний день был таким же... Это наша общая некомпетентность... Почему выясняется, что полдня Дума работает, а потом оказывается, что не ту бумагу раздали?

В. А. МАРЫЧЕВ. В последнее время в адрес депутатов раздаются просто оскорбительные инсинуации или сомнительные какие-то определения. В частности, депутат Лукин назвал Госдуму сумасшедшим домом имени Жириновского, Иван Рыбкин пишет в «Комсомольской правде», что с Жириновским можно говорить не в парламенте, и затем идет много-много... Поэтому я предложил бы, чтобы вы, Иван Петрович, извинились перед всеми депутатами, которых в принципе оскорбили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Уважаемый коллега Марычев, что касается того, что пишут во многих газетах... Если каждый раз извиняться из-за того, что вкладывают в мои уста, я буду только извиняться, кивать здесь, как китайский болванчик.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Объявляется перерыв... (Шум в зале.) Коллеги, я не могу нарушать вашу волю. Второй микрофон. Прошу вас.

А. И. ЯРОШЕНКО. Мы же на 19 ми-

нут раньше ушли на обед. Что, мы не можем отработать, что ли? Есть предложение: продолжить работу, отработать то время, которое мы потратили на обед.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Есть предложение депутата Ярошенко отработать те лишние 19 минут, которые мы потратили на обед. Ставлю на голосование. Прошу проголосовать поименно.

(В результате голосования решение не принято.)

И. А. ШИЧАНИН. Тогда у нас ломается логика, посмотрите два последних абзаца. Значит, мы делаем предпоследний абзац...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Игорь Александрович, логика не ломается — поправка не принята. Не разобрались. Давайте еще раз...

И. А. ШИЧАНИН. В таком случае, может быть, нам вообще снять предпоследний абзац, где достаточно тривиальные вещи расписаны, например, что члены комитета могут задавать вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Владимир Вольфович, возьмите свои слова обратно! Я никогда не лгал и к этому не прибегаю. И кричать не надо на меня... Не надо на меня кричать. Господин Жириновский, не уподобляйтесь кому не нужно.

Наш думский корр.

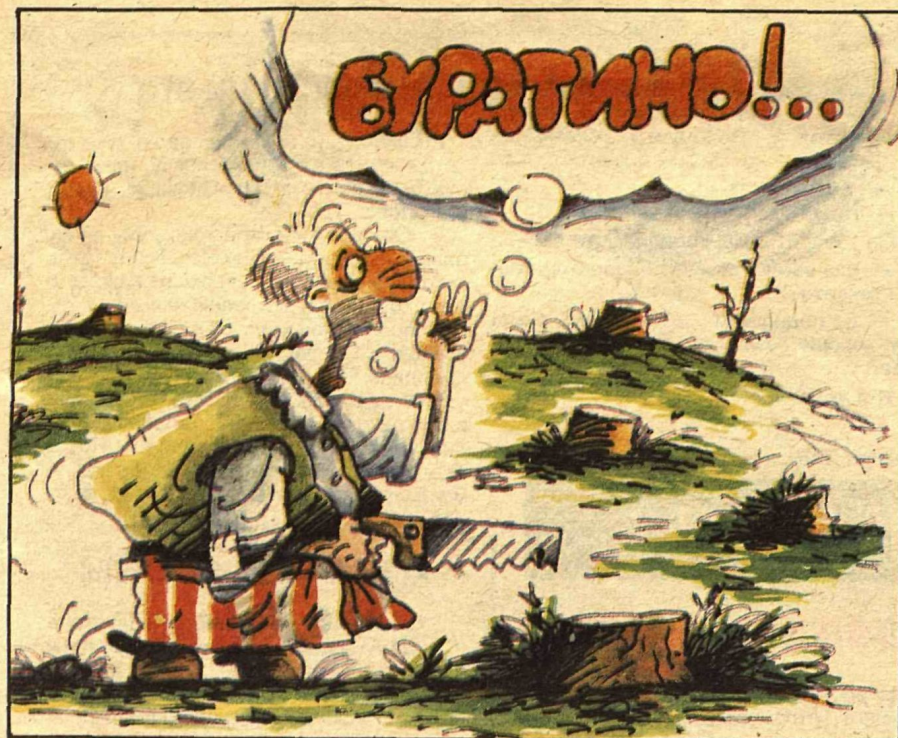
АНЕКДОТ БЕЗ БОРОДЫ

Разговаривают два старых приятеля:

— Представляешь, я пережил коллективизацию, тоталитаризм с волюнтаризмом, застой, перестройку, демократические перемены, был ударником коммунистического труда, дважды попадал в автокатастрофы, три раза женат, имею два высших образования, после министерства работал на совместном предприятии... А тут третьего дня ко мне приходит внук и говорит, что я ничего не понимаю в жизни!

Рассказал
И. ИГОРЕВ,
г. Москва.

В. ЛУГОВКИН.

А. КЛИМОВ, г. Набережные Челны.

А. УМЯРОВ.

Борис ФЕДОРОВ: «Я

КОРРЕСПОНДЕНТ. Борис Григорьевич, поскольку журнал «Крокодил» — юмористический, в первую очередь я задам вам такой вопрос для разминки: какие смешные истории вам помнятся из вашей жизни политика?

Борис ФЕДОРОВ. А вот хотя бы такая: как-то Борис Николаевич Ельцин в одном из своих выступлений заявляет: «Если скрестить ежа...» Тут он делает паузу, задумывается, вероятно, над тем, с кем скрестить, и продолжает: «... со змеей», — ну и далее заканчивает свою мысль о том, что произойдет, если соединить экономические программы «500 дней» и рыжковско-абалкинскую.

После этого иностранные корреспонденты, которые написали, что Ельцин сравнил эти две программы с ежом и змеей, меня одолевали: что это значит-то?

Им нас не понять.

Вообще забавные оговорки политиков превращаются в веселый фольклор. Скажем, Черномырдин, выступая, заявляет: «Не делайте из Заверюхи козла». Или его вовсе гениальное: «Мы хотели как лучше, а получилось как всегда». Правда, как будто не он автор этой фразы, но он это крылатое выражение выдал миру от себя. Ну а о моей фразе, что «скальп Геращенко будет висеть в моем доме», уже и говорить нечего: ее все уже «обсосали».

Меня забавляют еще и байки о себе. Время от времени я узнаю кое-что интересное и свежее. Про дом мой знаете? Оказывается, я живу не в московской квартире, а имею дом в Вашингтоне и плачу за него 20 тысяч долларов в месяц. Иногда, правда, дом располагается в Сан-Франциско. Жена моя работает в ЦРУ, а дети, которым всего 8 и 10 лет, якобы студенты американского колледжа.

К. Когда и при каких обстоятельствах вы почувствовали интерес к финансам? Не было ли в детстве случая, который предопределил и в конечном счете сделал из вас незаурядного финансиста?

Б. Ф. Классе в 5-м сын английского дипломата, который учился вместе со мной, подарил мне несколько иностранных монет, я заинтересовался монетами и стал собирать их. К 10-му классу у меня были уже сотни монет. Мне хоте-

лось узнать, что же это такое — деньги, банк? Я стал много читать о них. Позднее это определило выбор профессии, и я поступил на факультет международных отношений в Московский финансовый институт.

К. То, что вы рассказали, говорит о пробудившемся еще в детстве интересе к деньгам как к предмету исследования. А как таковые они вас интересуют? Хочется, чтобы их было побольше? Какое в семье, где вы росли, было отношение к деньгам?

Б. Ф. Семья моя очень простая. Папа — рабочий, техникум он закончил лет в сорок восемь. Но он был «с Одессы», и не просто «с Одессы», а еще и «с Молдаванки», знаете такую? А на Молдаванке люди умели соображать. Поэтому определенные установки отец мне дал, и прагматизм в семье воспитывался. Но не более того. А я оказался в семье и ее ближайшем окружении первым человеком, который получил высшее образование и, кстати, был первым в ней коммунистом. Что касается денег, то они были для меня и предметом исследования, и вместе с тем я хотел, чтобы их было побольше.

К. А в вашей собственной, теперешней семье как относятся к деньгам?

Б. Ф. Нормально. Любят тратить, абсолютно не задумываясь, откуда они появляются. Жена говорит: «Моя обязанность — тратить, а ты — зарабатывать».

К. До каких пределов счета денег мы дойдем? Сейчас в ходу уже триллионы. А что будет дальше, квадрильоны? Или будем считать на вес, в килограммах?

Б. Ф. Пока есть возможность двигаться в триллионах — ведь считаем только в десятках триллионов. Когда за тысячу триллионов выйдем, уберем пару нулей, из триллионов сделаем миллионы и начнем заново, то есть сделаем деноминацию. Пока же никак не выпустят стотысячные бумажки. Миллионные купюры трудно представить, это очень неудобно, хотя в Югославии, кажется, напечатали «деньгу» достоинством даже в 500 миллиардов.

К. Как-то так получается, что политики и экономисты ругают прошлое, заманивают в лучезарное будущее, а настоящее нам никак не обустроит. В чем же дело?

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

В городе Носковске создана партия любителей щей (ПЛЮЩ). Согласно ее уставу, членом ПЛЮЩа может стать любой носкович, достигший 18-летнего возраста, регулярно платящий взносы и трескающий щи не менее 2 раз на дню. Первый же (учредительный) съезд расколол партию на фракции: кислых (суточных) щей, зеленых (из щавеля) и белых (из брюссельской капусты). Последняя была изгнана из зала заседаний за прозападнические настроения. Программа-минимум партии — победа на президентских выборах 1996 года под лозунгом: «Тех же щей да пожизне влей!»

РЕФОРМЫ ШАГИ САЖЕНЬИ

Выпускник Гарвардской школы бизнеса Федор Кроило, прошедший по конкурсу на должность коммерческого директора Шустириловского книгоиздательства, сбросил набор трехтомника Пушкина и в три дня наладил выпуск действительно нужной людям продукции — водочных этикеток «Pushkin».

ЖЕРТВА

Чемпионка области по шахматам Э. Коровина принесла в жертву фигуру: во время турнира она так увлеклась «Сникерсами», что поправилась на 9 кг.

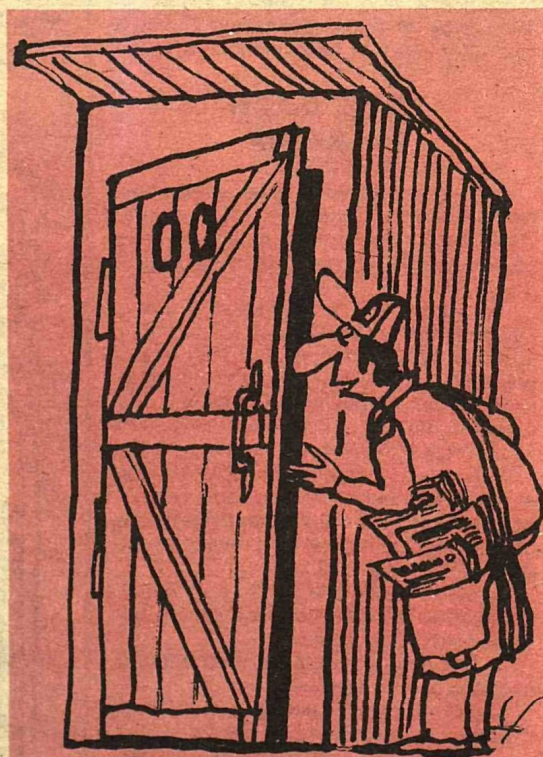
ЧУВСТВО ДОЛГА

Героем дня оказался на воскресной рыбалке Е. Чувихин. Карпа весом в 69 килограммов он вытащил из воды один, без посторонней помощи. На вопрос друзей: «Как это тебе удалось?» — Е. Чувихин ответил: «На моем месте так поступил бы каждый. Ведь Карп Семенович должен мне бутылку».

УЛЬТИМАТОМ

Президент республики Лупоглазово-Кадыково направил Великому князю Объединенных арапских княжеств «Черная грязь» телефакс следующего содержания: «Если ты не вернешь искони наши бани, овраг и полболота, то я тебе оторву мелко покрошу засуну а плакать не дам. Президент Кадыков».

Вечером того же дня приполз ответный факс: «..... я твои угрозы. Тебя лично я тоже и твоих холуев. Если твоя армия не сдастся к утру, я ее с смешаю, крупно порублю оболью заморожу пушу на удобрение. Великий князь Грязин».

— Есть свежие газеты!

А. ВАСИЛЕНКО.

КОСИТЬ ПОД АМЕРИКАНЦА НЕ УМЕЮ...»

Б. Ф. У правительства нет четких ориентиров. У власти находятся люди, которые в принципе не понимают, зачем это все нужно: зачем нужно повышать процентные ставки, хотя совершенно очевидно, что чем больше люди получают по вкладам в Сбербанке, тем лучше для всех. Они не понимают элементарных экономических взаимосвязей. И еще. Большинство чиновников, попадая на высокое место, живут текущим днем. Они пожарники. Они все время тушат пожары. У них нет стратегического мышления.

Когда я пришел в 1993 году в Министерство финансов, моя задача была с самого начала не размениваться на текущие дела, а думать, думать и сделать 15 дел, которые я наметил. Мы их сделали. Либерализацию довели до конца, процентные ставки подняли, им-

портные дотации уничтожили, кредиты странам СНГ перестали давать и т. д. Мы сделали конкретные дела, и я горд этим, так как есть результаты. Никаких общих рассуждений! Пускай Шахрай и тот же Жириновский, если идут на выборы, конкретно скажут, что они дадут людям.

Я, например, готов сказать такие вещи. Если будут положительные процентные ставки, то инфляцию можно довести до 1—3% в месяц уже в этом году. А один процент в месяц, это считается всего 15% годовых. Люди смогут планировать свою жизнь и деятельность, накопить на черный день, на машину, на холодильник. Можно сэкономить триллионы рублей на различных неэффективных расходах, всяких жульнических льготах, в результате чего снизить налоги, причем снизить их не путем увели-

чения бюджетного дефицита, а при его сокращении. Нужно поставить, например, 10 предельно четких, простых и понятных задач, чтобы каждый ощутил на себе результаты от их решения. Это значит, что вы пришли в июле в Сбербанк и знаете, что по вашему вкладу накопления растут быстрее, чем инфляция. Если не исчезают накопления, то человек становится богаче. Если есть накопления, то это основа и для инвестиций. Значит, есть возможность обновления производства, роста производительности труда, конкурентоспособности, экспорта и, в целом, благосостояния государства и людей. Но у нас сейчас не предвыборная борьба. Поэтому всех секретов я раскрывать не буду. Наш Либерально-демократический союз «12 декабря» выступает за очень конкретные, простые дела по социальной защите, которые можно сделать уже сегодня.

К. В истории Министерства финансов страны за время его существования были ли случаи, чтобы один и тот же человек дважды стал министром в разных правительствах?

Б. Ф. Было еще 2 случая. Один — при царе, второй в наше время. Зверев был министром с 1938 по 1948 год. В связи с денежной реформой 1947 года Сталин сказал: «Зверева убрать». Расстрелять забыли, а через 8 месяцев о нем вспомнили и восстановили. Эти 8 месяцев министром финансов был Косыгин, а Зверев затем проработал до 1960 года или даже чуть дольше.

Я был министром в правительствах Силаева и Черномырдина.

К. Бог троицу любит. Согласитесь, если вам в третий раз предложат быть министром финансов?

Б. Ф. А что? Интересно. Реформы все-таки!

К. Борис Григорьевич! Это вы повесили лозунг через Ильинку на пути следования правительственных машин в Кремль: «Эмиссия — опиум для народного хозяйства», — чтобы члены правительства не забывали эту истину?

Б. Ф. Было дело. Я убедился, что отсутствие разъяснений и пропаганды сути реформ тормозит их, что даже члены правительства и премьер нуждаются в разъяснениях. Но лозунг повесили потом, а сначала мы с одним из

моих замов в книге первого советского наркома финансов Сокольников отчеркнули 6 или 7 мест, сделали закладки и принесли Черномырдину. Сказали: «Откройте и прочитайте то, что подчеркнуто». Он прочитал и был поражен: «Ну все как у нас». Это уже сыграло большую роль, потому что Черномырдин потом даже на переговорах эту книгу цитировал. Сокольников сравнивал эмиссию денег в экономике с инъекцией обезболивающих наркотиков, которую вкалывают больному. На какое-то время ему делается лучше, а потом он становится наркоманом. А если наркотики перестать давать, начинается ломка. То же самое с экономикой. Сначала всплеск, рост производства, а потом все как у больных.

К. А что за музей вы создали в Министерстве финансов?

Б. Ф. Это история. С моей точки зрения, если нет чувства истории, преемственности, люди становятся пустыми и бездумными. В частности, мы сделали галерею всех 40 министров финансов за 2 века существования этого ведомства в государстве.

К. Экспонатом № 1, наверное, должна быть инфляция. Как можно ее образно представить в музее?

Б. Ф. Воздушным шариком.

К. А эмиссию как бы вы изобразили?

Б. Ф. У меня на эту тему есть идея мультфильма. И не одного. Большая добрая корова жует цветочки. Это экономика России. К ней подкрадывается человек, в котором узнается Геращенко. У него в руке большой шприц. На нем написано: «Эмиссия». Он вкалывает корове содержимое шприца. Корове резво бегают, подпрыгивают. Геращенко хлопает по плечу Заверюху: «Экономика-то на подъем пошла!» Тут же стоит и радуется Черномырдин. А затем следующая картина. Коровы лежат, копыта откинула, загибается. Пошла ломка. Подходит Федоров и говорит Геращенко: «Вот видишь, что наделал».

К. У вас фантазия бьет ключом. Но вам ведь не дают покоя и лавры Владимира Даля. Вы автор недавно вы-

Инна КАШЕЖЕВА

ФРАНЦУЗСКИЙ АФОРИЗМ В РУССКОЙ ТРАКТОВКЕ

Роскошь заменяет дураку искусство.
Анри ДЮВЕРНУА.

Ах, что, Анри, ни говори:
настало время нуворишей.
Теперь, куда ни посмотри,
указан спонсор над афишей,
как белый флаг над павшей крышей.
Здесь нет победы никакой,
и не побита наша карта.
Не шли с протянутой рукой
ребята с твоего Монмартра.

А пили терпкое вино,
как мы на площади Восстания.
Но... зафрахтовано давно
и это памятное здание.
И, что ты там не изреки,
примазаться спешат чужие...

Они не знают, дураки,
что жизнь мы в роскоши прожили.

АВТОШОУ ПО-БУЛГАКОВСКИ

Иномарками город наш полон.
Это просто какой-то полон.
Появился б в Москве снова Воланд,
я к нему бы пошла на поклон.
Я бы так на мессира глазела,
стоя робко у темной двери,
что сказал бы он: «Эй, Азazelло,
половину авто убери!
Прибери этот город немытый,
побори всех бандитов скорей.
А пришельца — он, видно, не сытый —
накорми, обласкай, обогрей».
Знаю я сатанинские ласки,
холодок пробегает в душе...
Но все эти разборки, развязки

надоели — до черта! — уже.
И с лицом, от волнения серым,
я б продолжила просьбы свои:
«Станьте, Воланд, пожалуйста, мэром,
Азazelлле доверьте ГАИ».
И тогда, торжествуя победу,
с просветленьем в больной голове
в «Запорожце» я гордо проеду
по спокойной и чистой Москве.

Что ответил бы Воланд, не знаю,
в окруженьи рогатых дружков...
Я тебя, «Крокодил», заклинаю:
пусть ответит хотя бы Лужков!

СЛУШАЙТЕСЬ ДРУЗЕЙ!

Говорил мне друг мой Будников:
«Наше дело — карате.
Бейся! Или вместо бубликов
будет дырка в кулаке».

Не послушала Геннадия,
не постигла сверхсистем...
И теперь сижу в халате я,
одыревшая совсем.

Мультфильм по сценарию Бориса Федорова и продолжение беседы см. на стр. 12.

В. МОЧАЛОВ,
М. КУЗЬМИН (тема).

В. ЛУГОВКИН.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«7 апреля 1994 г. в 15.00 будет освобождаться Ваша мастерская. Предлагаю прибыть к этому времени для добровольного открытия и освобождения мастерской во избежание принудительного вскрытия. Директор комбината художественных работ».

(Из уведомления художнику-арендатору.)

Прислал Ю. Дарий, г. Химки.

«Населенный пункт Петровка расположен на протяжении 1,8 км вдоль дороги, не имеет тротуара, вследствие чего пешеходы ходят по проезжей части в нетрезвом состоянии».

(Из акта о дорожном происшествии.)

Прислал В. Кузнецов, г. Архангельск.

«Начальнику цеха

Прошу заказать для мехмастерской болвана. Мастер сказал, что он не может сделать конус, так как в мехмастерской нет болвана».

(Из заявки.)

Прислал А. Волков, г. Таллин.

Игорь МАРТЬЯНОВ

УБЕДИЛИ!

Сказала мама:

— Я хочу,
Чтоб стал, сыночек, ты врачом.
У нас большой почет врачу.

А сын:

— Не стану нипочем!
Я не смогу им, мама, быть —
Ведь мне и мухи не убить!

ЕСЛИ БЫ НЕ ЦЕНЫ...

Две старушки без зубов
Толковали про любовь.
Оказалось, влюблены
Лишь в картошку да блины.

...Если б цены ниже были,
То и мясо бы любили!

г. Иваново.

УГОЛОК УГОЛОВКИ

ЖЕРТВА СОБСТВЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вообще-то у мужиков за девушками принято ухаживать. Молодой же строитель Затоев принадлежал к ленивым слоям мужского сообщества, которым подавай девушек, минуя нудный и утомительный нулевой цикл. Поэтому, прогуливаясь по полуночной столице, он без всяких церемоний напал на припозднившуюся особу женского пола. Особа при ближайшем рассмотрении оказалась старушкой, но в темноте это не очень бросалось в глаза, и Затоев затащил ее в строительную бытовку. Только, на его беду, бытовка уже была заселена двумя бомжами, которым старушка решительно не приглянулась, ее они вытолкали наружу, а вот сам Затоев привел бомжей в волнение, и они по очереди изнасиловали его.

Нет худа без добра: Затоев на собственной шкуре испытал, каково приходится насилуемому слабому полу.

СВЕТОФОР НА ДЕСЕРТ

Знаете ли вы, сколько стоит светофор? Нет? А вот москвич Григорьев знает. Для этого ему пришлось хорошенько поднабраться на юбилейных торжествах в ресторане. Достигнув кондиции на подходе к десерту, он, покачиваясь, добрался до своей «девятки» и с ветерком покатил по оживленным магистралям. На одной из них Григорьеву повстречался светофор, активно ему не понравившийся. Григорьеву показалось, что светофор слишком долго держал его перед красным светом, и он с бычьей яростью бросил на него свою «девятку», прилично расколошматив уличный прибор. Не говоря уже о машине.

Как выяснилось, светофоры нынче недешевы. Особенно если их уничтожают на десерт.

В. ЛУГОВКИН.

1894-
1994
ГОД ЗОЩЕНКО

Вспоминая Зощенко, его «первый ментор» К. И. Чуковский писал: «Когда будет издано полное собрание его сочинений, я думаю, надо будет отвести целый том для его — подписанных и анонимных — «газетно-бегемотских» статей».

Ох, нелегкая это задача!

Журналистская работа Зощенко (если иметь в виду ее полный охват) практически не поддается учету. Помимо рассказов и фельетонов, без которых в 20-е гг. не обходился чуть ли не каждый номер журналов «Дрезина» и «Красный ворон», «Бузотер» и «Бегемот», «Пушка» и «Ревизор», Зощенко писал громадное количество самой разнообразной «мелочи». Просматривая сегодня эти журналы, заглядывая в их «Почтовые ящики» и под рубрики типа «Тараканы в тете», «Слезай, приехали», «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!», то и дело натыкаешься на его следы: несколько строк, а спутать нельзя — это он, Зощенко. Реклама подписки на «Бегемот», на «Пушку» — его почерк. Редакционный ответ селькору — его словечки. А сколько писем читателей им обработано, сколько подписей к карикатурам сочинено!

Но все же есть «участок» зощенковской работы, где поиск не представляет больших затруднений. Это созданные им совместно с художником Н. Радловым словесно-рисуночные фельетоны-пародии на доморощенных изобретателей и рационализаторов. Около шестидесяти этих фельетонов, опубликованных в «Бегемоте», «Пушке» и других журналах, были напечатаны затем в книжках-альбомах — в 1928 г. («Веселые проекты») и в 1931 г. («Счастливые идеи»). Но большая часть их так и осталась на журнальных страницах. А жаль. Они ничуть не слабее тех, что попали под книжную обложку. И читатель сам убедится в этом, ознакомившись с некоторыми из них.

Ю. ТОМАШЕВСКИЙ.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ «ПРОГРЕСС»

Н. З. УЩЕМИХИН родился в бедной крестьянской семье. До сорока пяти лет он был простым коровьим пастухом, а потом сделался доктором и ученым.

Ни одна страна в мире не имеет такой мощной организации, как наша научно-техническая консультация. Имея в своих стальных рядах таких крупных показательных академиков, как Прищемихин и Ущемихин, наша консультация все больше и больше крепит связь с наукой и ее последними достижениями.

Мировые ученые Запада во главе с престарелым Эдисоном внимательно прислушиваются к ее слову и мечтают прислать своих представителей для ознакомления с ее славной деятельностью.

Широко развертывая свою работу, наша консультация в ближайшее время посылает на Запад двух своих ученых для пополнения недостающего гардероба и для поднятия культурного уровня.

Другие европейские ученые кричат и рекламируют свои мелко-научные достижения, в то время как мы, стиснув зубы, работаем на улучшение быта всего человечества.

М. М. ПРИЩЕМИХИН, напротив того, до 45 лет был ученым, а потом поступил на службу в научно-техническую консультацию «Прогресс».

АППАРАТ «КРУТИ-МАТРЕНА»

Многим женщинам, особенно по субботам, приходится нести тяжелую нагрузку по вытаскиванию своих обалдевших супругов из пивных и других полупочтенных учреждений.

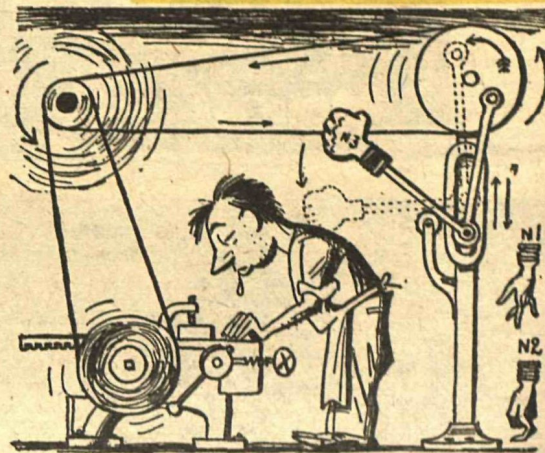
Идя навстречу слабосильным женщинам и боясь за них душой, предлагаем как временную меру по борьбе с пьянством наш знаменитый аппарат «Крути-Матрена».

Наш аппарат крайне прост и удобен. Пьянчужка зацепляется крюком за воротник и плавным поворотом рукоятки вынимается наружу. Для этой цели за границей, наверное, будут применять сжатый воздух, мы же пока удовольствуемся канатом.

Аппарат незаменим для семейных иродов, потерявших в пивной всякую совесть.

Аппарат можно купить в рассрочку в редакции «Пушки».

ОБЩЕ-ДОСТУПНЫЙ ПРИБОР «СТАЛЬНАЯ РУЧКА»

Вот на фабрике «Красный Узбекистан» некоторые работники спят на производстве! Газета «Рабочая Москва» так и пишет: «Не только, говорит, гуляют, но и спят на производстве».

Между прочим, это ихнее поведение как раз заставило нас пойти по скользкому пути изобретателя. Не повышая цены на наш журнал, мы изобрели бессонный аппарат «Стальная ручка».

Одним словом, специальная стальная ручка привинчивается к маховику или шестеренке и приводится в действие. Во время работы наша общедоступная ручка может легонько похлопывать работничка по загривку и тем самым отгоняет его сладкий сон.

Которые работники все же засыпают, тем горячо рекомендуем привинчивать особые ручки № 1 и № 2, смотря по характеру заснувшего человека.

Фабкомы, заинтересованные нашим изобретением, могут обращаться письменно.

Цены общедоступные. Фабрике «Кр. Узбекистан» особая скидка.

Частникам и концессионерам — не беспокоиться.

Торопитесь!

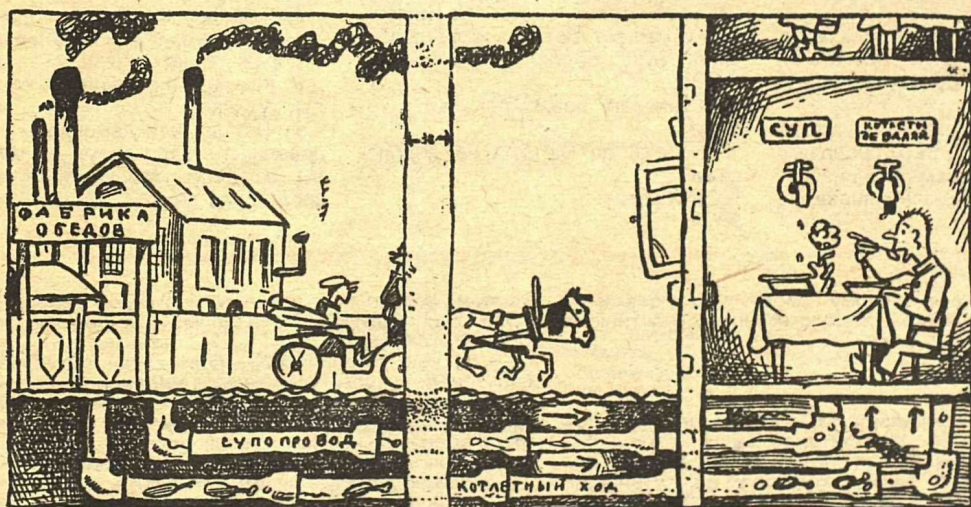
ОБЕДИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

ЛСПО закончило составление проектов двух фабрик-кухонь массового производства обедов.

К сожалению, в проектах имеются дефекты: проекты не предусматривают подачи обедов на дом. Если американцы додумались до пневматической почты, то отчего бы не перешагнуть их пневматическими обедами. С помощью труб желудок от необходимости двигаться к обеду на ногах потребителя. Тут лозунг простой: живот за кашей не ходит. Можно объявить обеденные абонементы вроде Филармонии или Госоперы. Меню широко вещать по радио. Обжор ущемить суповыми и котлетными счетчиками, показывающими количество съеденной продукции.

Особое внимание следует обратить на прочность труб съестной сети. Лопнувший супопровод может залить кислыми щами наши улицы. Нежелательно также засаривать почву котлетами.

Вообще подумать есть о чем.

БАНЯ ИМЕНИ ТОВ. БЕГЕМОТА

Как известно, фордизация состоит в том, что каждый сознательный работник исполняет в своей работишке только одно какое-нибудь движение. При этом, говорят, достигаются колоссально-громадные результаты.

В Европе эта фордизация в полном боевом разгаре. Мы же, конечно, еще маленько отстаем в своем развитии, но, наверное, тоже довольно скоро сподобимся. Когда Европа перейдет на другое.

Так вот, не теряя драгоценного времени, предлагаем хозяйственникам ввести поскорее фордизацию хотя бы на культурно-просветительном фронте — в банях. Тем более что в банях полная отсталость — один человек и башку мылит, и спинку трет, и теми же погаными руками личико вытирает.

Наша фордизованная баня проста и несложна. На двух барабанах устанавливается особый ремень. При повороте рукоятки ремень движется и тем самым передает изумленного посетителя высоким квалифицированным спецам из рук в руки.

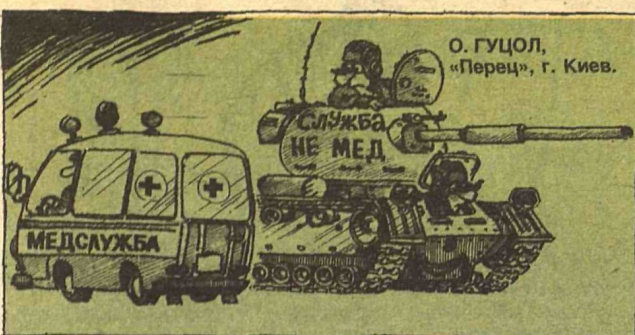
Таким образом, фордизацию можно, не торопясь, ввести повсеместно. Сначала в баньке. Потом в предбаннике. А потом и в каком-нибудь более актуальном учреждении. Главное — начать!

КАК ТЕБЕ СЛУЖИТСЯ?

А. КЛИМОВ.

О. ГУЗОЛ,
«Перец», г. Киев.

А. СКВОРЦОВ,
«Хэнэк», г. Уфа.

Помню, я шел в магазин за кефиром и любовался весной. Весна у нас в микрорайоне всегда накатывает внезапно, и местные власти никак не привыкли к тому, что она — сразу после зимы. Так вот, я шел и думал, что нынешняя весна — это не просто весна, это символ обновления и черт знает чего еще, что прогресс неотвратим, как вот эти почки на деревьях и очередь за дешевым кефиром...

Я шел и думал обо всем таком, поэтому, когда услышал за спиной приближающийся крик, то не отнес его на свой счет. Я решил, что кого-нибудь бешеная собака укусила, и он бежит себе на прививку.

Но тут голос над самым ухом сказал: «А-а-а, получай, сволочь!» — и в меня что-то воткнулось. Я пощупал — нож торчит... Оборачиваюсь — стоит какой-то маленький, весь в щетине, и смотрит на меня, как баран на новые ворота.

— Черт, — говорит, — опять обознался. А со спины, — говорит, — вылитый ты Петя Засухин.

Я говорю:
— Меня Иван Семеныч зовут.
Он говорит:
— Зубайлов Евстигней. Очень приятно.

Тут опять увидел кого-то, глазки снова кровью налились: это, говорит, точно он! Повернись-ка, Ваня, я ножик вынул.

И начинает нож из меня выковыривать. А тот ни в какую.

— А, — говорит, — ладно. Занесешь вечером в сто пятую. А то, — говорит, — уйдет эта падла. Будь здоров!

Схватил с тротуара какой-то бультяжик и убежал. А я пошел за кефиром. Потому что если был завоз, надо брать, а то следующего может не быть вообще.

Только занял очередь, а мне кричат из кассы:

— Гражданин, у вас весь пиджак в крови!

Я говорю:
— Я знаю. Это меня по ошибке ножом пырнули.

А мне:
— Объявления надо читать, гражданин! Мы в пачкающей одежде не обслуживаем! Немедленно покиньте помещение.

Обидно, конечно, стало. Я вообще заметил, строительство правового государства все время начинается с меня! И на мне же заканчивается.

Делать нечего, вышел я из магазина. А весна кругом, птички поют, дети в лужах играют. Но чувствую: что-то мне мешает всему этому радоваться. Потом вспомнил: нож. Зашел я тогда в будку телефонную, набрал «03» — так, мол, и так, говорю, стою без кефира с ножом в спине.

— Фамилия? — говорят. — Имя-отчество? Давайте по буквам.

Сказал по буквам. Потом сказал, сколько лет...

— Десять долларов.

Я говорю:

— У меня только рубли.

Он говорит:

— За рубли я тебя сам пырну.

И уехал. А я пошел на автобус.

Потому что действительно, если каждый раз, как пырнут, на такси разъезжать, накладно получается. Лучше не привыкать.

Влез в автобус, еду себе, пейзажем в окошко любуюсь. А там

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

ЧТО ЭТО ИЗ ВАС ТО

Рассказ

Тогда спрашивают:

— Что беспокоит?

Я говорю:

— Нож беспокоит.

— Опишите форму рукоятки.

— Я ее еще не видел.

Мне говорят:

— Узнаете форму рукоятки, немедленно звоните.

— Спасибо, — говорю.

— Ну что вы, — говорят, — это наша работа.

Вышел из будки: Господи, а весна-то! Так бы прямо и запел. Но не могу, ножик мешает. Встал я тогда на обочине, руку поднял. Подкатывает такси.

Я таксисту ножик показал и говорю:

— Шеф, до Склифа не подбросишь?

Он говорит:

ручьи текут, почки распускаются, кран поперек стройки лежит, милиционеры парами гуляют — словом, весна! Так всем этим залюбовался, что даже не заметил, как скандал возник. Женщина какая-то закричала и, что интересно, опять на меня:

— Как вы смеете в таком виде, что это из вас торчит? Постыдились бы, тут дети...

Я говорю:

— Гражданочка, я не виноват! Это Евстигней.

А гражданочка шипит:

— Спрячьте его немедленно и не будоражьте население!

И какой-то ворoshiловский стрелок тут же:

— Вот до чего демократы страну довели: в старое время не торчало бы из тебя, троцкиста поганого, среди бела дня!

Он создал сотни рассказов, повестей, комедий, сценариев, фельетонов, песен. Но для того, чтобы завоевать любовь и признание народа, как говорили в старые добрые (смотря для кого...) времена в передовицах о литературе и искусстве, ему хватило бы всего двух песен и одного сценария.

Смею утверждать так, ибо песни эти — «Три танкиста»

ОШИБКА БОРИСА ЛАСКИНА

История из старых добрых времен

и «Спят курганы темные», а сценарий — «Карнавальная ночь». И написал их Борис Ласкин — блистательный мастер нашего веселого цеха, как было принято называть сатиру и юмор в те самые старые добрые...

Будь он жив, ему исполнилось бы нынче в июле восемьдесят лет.

Я не стану произносить по этому случаю юбилейную речь. И не потому, что нынче — не принято. Просто знаю, что Борис Савельевич не любил этот жанр, вышучивал его остроумно и едко, отбивая охоту у иных ретивцев

влезать на трибуну по всякому поводу, а то и без него. Лучше расскажу одну небольшую историю, участником которой мне довелось быть.

В те далекие уже восьмидесятые годы в Центральном Доме литераторов существовала, среди прочих, хорошая традиция: ездить по городам и республикам страны с выпуском устного «Журнала журналов ЦДЛ»: Озвучивали страницы этого уникального «издания» известные писатели, поэты, журналисты, композиторы, музыканты, художники, артисты, ученые, политики, собирая огромные аудитории, ибо практически были неподцензурны и могли говорить, что думают. Сегодня это не кажется доблестью, но тогда...

Команда для поездки в Ленинград отбиралась особенно тщательно и придирчиво. Возглавлял ее Марк Галлай. Под его знамена были призваны Булат Окуджава, Борис Ласкин, Татьяна и Сергей Никитины, Станислав Кондрашов... Оказался в этой прекрасной компании и я.

Ехали мы не «Красной стрелой», а каким-то дневным поездом. Однако вполне быстрым и весьма комфортабельным. Минут через десять после отправления ко мне заглянул Борис Савельевич, заполнив собой все свободное пространство: он был очень большой. Не толстый, не громоздкий, а именно большой, высокий, могучий. И хотя советская железнодорожная традиция предписывала пассажиру сразу после посадки надевать спортивный

костюм, Ласкин был в элегантно серой паре, модной расцветки галстук и начищенных до блеска туфель. Словом, как всегда.

— Ну как, устроились? — спросил он великолепным баритоном, который был знаком миллионным людям, ибо звучал почти в каждой передаче «С добрым утром!». — Тогда пожалуйста к нам (он ехал с женой), надо отметить это знаменательное событие: не куда-нибудь едем, молодой человек, — в Ленинград! Вы это осознали?

— Еще не успел, — ответил я, шаря в сумке.

— Да бросьте вы шуровать там, — потянул он меня за руку, — стол уже накрыт. Пошли, а то чай остынет.

У Ласкиных было тесновато, но весело и уютно. За окном между тем проплывали радищевские названия: Завидово, Тверь...

Ласкин не скрывал своей радости от скорой встречи с родным городом, в котором он так давно не был. То и дело слышалось: «Нет, Питер — совсем другое дело!» Робкие возражения гостей отбивал мгновенно: «Согласен, и москвичи — ничего себе. Но уж больно пресыщены деликатесами: и это они видели, и то они слышали... Их ничем не удивишь. А вот в Ленинграде, мои дорогие, нас будут носить на руках!»

Провожая меня, сказал:

— Я, кстати, пробуду в Питере до конца недели. Хотите — оставайтесь за компанию. Не пожалеете. И обратно вместе поедем. А?

Я отвечал неопределенно: Борис Николаевич Полевой отпустил меня (я работал тогда в «Юности») на три дня, и мне не хотелось нарушать уговор.

Прорицания Ласкина начали сбываться сразу же по прибытии нашего поезда: у вагона весело щебетала стайка улыбающихся людей с цветами в руках. Едва ступив на перрон, мы были обцелованы, обняты, одарены розами, а затем препровождены к шикарному автобусу, в котором можно было увезти добрую половину всех московских писателей.

В общем, вытолкали меня из автобуса взащей прямо на неврастеника какого-то. Он как нож у меня увидел, аж в бок вцепился.

— Вы-то мне, — говорит, — и нужны! Идемте, — говорит, — русский человек! Ведь вы же русский? Я говорю: — У меня дед поляк был. Он говорит: — Поляк — это ничего! Это можно, идемте.

ОРЧИТ?

— А прабабка — турчанка с армянской примесью.

Он как заорет:

— Ну и хрен с ней, с вашей прабабкой! Что вы привязались ко мне со своими предками!

И потащил куда-то.

Я говорю:

— Мне бы ножик вынуть...

Он говорит:

— Вы что, с ума сошли? Без ножика совсем не то. И потом — вам идет.

Приволок меня на какую-то площадь, затащил на трибуну и сразу стал рубаху на себе рвать.

— Смотрите, — закричал, — люди православные, вот он, знак, вот что с матушкой-Россией сделали! Вот она, бессловесная, с иудейским ножом в спине... Доколе же будем молчать, россияне?

Тут народ на площади взвыл:

— Не будем молчать! Пусть говорит! Скажи, русский человек!

Меня вперед вытолкнули, мегафон всучили.

Я говорю:

— Граждане! Нет ли среди вас случайно хирурга? Мне бы ножик вынуть...

— Не-ет! — кричат. — Хирургов нет! Здесь только патриоты!

— Извините за беспокойство, — говорю, — тогда я пошел.

— Иди, — говорят, — русский человек, иди, а уж мы тут за Россию постоим...

И пошел я тихонечко домой. Неловко как-то стало, право: тут такое в стране обновление, а я ношусь со своим ножом, как дурень с писаной торбой. Ну, торчит и торчит, никому не мешает. А спать на животе можно.

А весна вокруг — стебелечки из земли прут почему зря, народ с работы по домам плывет... Настроение, словом, прекрасное. Чуть не испортил мне его какой-то милиционер — хотел арестовать за ношение холодного оружия в неположенном месте, но я дал ему Христа ради пятьсот рублей, он и отвязался.

Во дворе под детским грибом сидел Евстигней Зубайлов с каким-то еще хмырем. Они пили водку и по очереди кусали от палки колбасы. Увидев меня, Евстигней радостно замахал конечностями.

— Ванюха! — закричал он. — Познакомься, дружище: это Петька За-сухин! Ну, с которым я тебя давеча чуть не перепутал. Он такой мужик оказался! Он за ЦСКА не болеет, он их, козлов, сам на дух не переносит... Петька, да вон же он, мой ножик, ну-ка, подмогни! А то все откусываем и откусываем, как нелюди какие...

Они уперлись в меня ногами, вытащили нож и стали нарезать колбасу. Я хотел уйти, но меня не отпустили, пока я не выпил за дружбу. Потом Евстигней дал мне заесть кусочком колбасы с ножа — и я пошел домой: переодеться в чистое и сбежать за кефиром.

Я шел, стараясь не ударить лицом в грязь, и думал так: нет, что ни говори, а прошлое уходит окончательно, и впереди у нас теперь только будущее! Если, конечно, переживем настоящее.

АНЕКДОТ С БОРОДОЙ

— Это моя новая картина в духе соцреализма, — говорит художник приятно. — Называется «Бригада каменщиков за работой».

— Но ведь они явно не работают.

— В этом и заключается соцреализм!

— Я бы хотел развестись со своей женой. Она ведет себя, как ребенок.

— В чем это выражается?

— Когда я пускаю в ванне бумажные кораблики, она их топтит!

Жена. Почему твои сослуживцы ежемесячно получают премии, а ты нет?

Муж. Подхалимы! Как приходят на работу, сразу начинают бегать перед начальством на задних лапках. А я гордый: лучше уж совсем не приходиться на работу, чем так унижаться!

Припомнил И. ЖЕРИЙ,
Одесская область.

Крокодил решил подшутить над мартишкой. Плывет к ней и думает: «Сейчас спрошу: «Мартишка, ты замужем?» Если ответит «да», я сделаю удивленную морду и опять спрошу: «Да какой же дурак такую мартишку взял?» А если ответит «нет», скажу: «Конечно, какой же кретин такую мартишку в жены возьмет!» Беспроигрышный вариант!»

Подплывает он к мартишке и спрашивает:

— Мартишка, ты замужем?

— Еще чего! — злобно отвечает с берега мартишка. — Попробуй тут выйди замуж, когда кругом одни крокодилы!

Сидит рыбак на берегу реки. Кончились у него черви. Он написал на бумажке: «Червяк», насадил ее на крючок и закинул удочку. Через некоторое время вытаскивает, а на крючке бумажка, на которой написано: «Карась».

Припомнил А. ШМАРОВ,
г. Москва.

В. СУМАРКОВ,
г. Тула.

Борис Савельевич легонько ткнул меня кулаком в бок и посмотрел на нашу смущенно-блаженно улыбающуюся команду победительно: ну, что я вам говорил?!

Как сон, как чудное виденье, мелькнул перед нашим взором освещенный закатным солнцем Невский. В конце его, своротив налево, «Икарус» остановился у гостиницы «Астория». Тут я получил второй, более ощутимый тычок под ребра. Глаза Ласкина светились восторгом, но уста оставались сомкнутыми. Заговорил он только в роскошном вестибюле легендарного отеля, когда нам чуть ли не на блюдечке с голубой каемочкой преподнесли ключи от комнат, с радушными улыбками разъяснив, что бумажки на предмет проживания можно будет заполнить в номерах, а сдать и вовсе следующим утром перед завтраком, ибо, надо полагать, гости с дороги устали. Потрясенный невиданным сервисом, я на всякий случай отошел подальше от Ласкина, боясь, что в экстазе он нокаутирует меня, лишив тем самым возможности быть пронесенным на руках восторженными горожанами. Но ему было не до того: он искал свои чемоданы, видимо, забыв, что местный сервис распространяется не только на гостей, но и на их ручную кладь.

Номер мой оказался поистине потрясающим. Но вместе с восторгом в сердце вошел испуг: сколько же придется платить за эти роскошные апартаменты?!

За ужином Борис Савельевич, сменивший светлую пару на темную тройку, подобающую случаю, свежесбритый, пахнувший не менее как «Богартом», веселый, улыбающийся, пружинистый, бросил нам свое традиционное «Ну как?!» и заказал для всех что-то очень фирменное.

Поедая блюдо, название которого воскрешало в памяти имперское прошлое северной столицы, я между делом пытался выяснить возможную стоимость номера. Коллеги, увлеченные едой, пожимали плечами. Когда очередь дошла до Ласкина, он с понятной беспечностью в голосе ответил негромко, но так, чтобы слышали остальные:

— Успокойтесь, Алексей Степанович, все, надо пола-

гать, оплачено. Разве вы не поняли? «Астория» не может быть случайностью. В общем, заканчивайте трапезу и бегите, пока не поздно, продлевать обратный билет.

Уличенный в провинциальной своей подозрительности, я промолчал всю оставшуюся часть ужина, но на вокзал не побежал, а пошел спать в свои хоромы. Спал плохо: мне снился персонаж одного довоенного фильма, утверждавший, что чем товар лучше, тем он дороже.

Утром, спустившись в вестибюль с заполненным листочком, увидел одиноко стоящего Бориса Савельевича. По лицу его было заметно, что классик явно смущен, более того, сильно огорчен. На вопрос «Что случилось?» отвечал невнятно, что вышло, вероятно, недоразумение и ему пришлось оплатить свой «люкс»...

Сумма, которую он назвал, лишила меня аппетита, и на завтрак я удовлетворился стаканом чая, что было весьма разумно, ибо после оплаты предполагаемого пребывания в стенах знаменитой гостиницы моих командировочных осталось еще на один чай. Правда, с лимоном.

Вечером, ожидая автобус, который должен был отвезти нас на первое выступление, мы курили у подъезда, обсуждали события дня и не обращали внимания на крохотный «рафик», стоящий поодаль, ибо ждали «Икарус», с таким шиком кативший нас вчера по Невскому. Но он не появлялся. Зато появился казенного вида человек, спросивший:

— Простите, товарищи, вы — писатели из Москвы?

— Мы, мы, — ответил уже все понявший Ласкин и со вздохом полез в тесноватую для него избушку на колесах.

В дороге был тих и задумчив, отрешенно глядел в опускающиеся на великий город летние сумерки.

Дворец, отстегнутый когда-то местным писателям советской властью, впечатлял. Мрамор, зеркала, ковры. Однако вопреки утверждениям Ласкина мы шли по ним собственным ходом, и никто из нарядно одетых людей не выказывал заметного желания нести нас на руках. Добралась до пустой уютной комнаты за сценой, которая

должна была служить нам артистической. Но даже она не могла испортить настроение: зал полон, вечер хорош, все в форме — сейчас утром нос ленинградцам!

Окуджава, оказавшись почему-то без гитары, осваивал инструмент Сергея Никитина. Галлай еще раз уточнял программу. Ласкин же нервно расхаживал по комнатенке, поправляя безукоризненно завязанный галстук.

— А нет ли тут водички? — деловито осведомился Булат, отложив гитару.

Водички не было. Не то чтобы минеральной, в бутылках, но даже и обычной, из-под крана, в графине, который имеется в любом советском учреждении, включая сельские дома культуры. Не было даже стаканов. Вообще в этой комнате ничего и никого, кроме нас, не было.

Оглядев помещение орлиным взором, Ласкин сказал грозно:

— Сейчас все будет! — и вышел.

Вскоре появилась миловидная девушка с подносом, на котором громоздились всевозможные бутерброды, за ней следовал паренек с полудюжиной бутылок боржоми и стаканами. Замыкал шествие Борис Савельевич, на устах которого играла весьма сомнительного качества улыбка.

Зазвенели стаканы, забулькала вода, задвигались челюсти. Я поглядел на Ласкина. Он сделал мне едва заметный знак, который мною был истолкован так: помалкивай. Я и молчал, хотя не сомневался, что всю эту снесь и питье гордый классик, уязвленный явной промахой своих земляков, купил в буфете на собственные деньги.

Вечер наш прошел прекрасно, что и было отмечено ужином в «Астории». Но Борис Савельевич был грустен. Прощаясь у лифта, спросил:

— Уезжаете послезавтра? Пожалуй, и мы вместе с вами...

Утром, попив в буфете чайку, мы с ним пешком отправились на Невский и в кассе предварительной продажи поменяли билеты.

ОДНА ШТАНИНА НА ТРОИХ

Если я пробую говорить о веселых людях, которых знал и помню, получается трогательно, но не смешно. Одну из историй я уже пытался изложить корявым языком моей книги. Но это было задолго до перестройки, а тогда про Зощенко рассказывать подробно было нельзя.

Жили мы на первом этаже писательского дома на улице Фурманова. Я был пасынок Виктора Ардова, дружил с Петей Петровым, сыном знаменитого Евгения Петрова. Впрочем, тогда все эти люди были для меня просто дяди. Только много лет спустя я начал осознавать их настоящие места в истории литературы и вспоминать лица, совмещая хмурого дядьку, жившего на седьмом этаже по нашей лестнице, с Мандельштамом, а доброго и тоже в очках — с Ильфом, веселого сказочника — со Светловым, папу моего товарища Сережи — с Булгаковым, а хозяина замечательных игрушек — с Мате Залкой.

Булгаков приходил разговаривать с Ардовым, а мы, чтобы им не мешать, вылезали в окно и гуляли. А потом в какой-то час — в девять или в полдесятого — нас загоняли домой (точнее, меня загоняли за компанию с Петькой, за которым очень следили, чтобы он вовремя ложился спать). И даже при гостях, хоть ты умри, этому правилу не изменяли. Квартирки были не ай-яй-яй, маленькие, девать нас оказывалось особенно некуда. Вот так мы с Петькой однажды очутились в полутемной спальне, недовольные и капризные. И тогда-то выяснилось, что, кроме Булгакова и других гостей, в квартире присутствует Зощенко. Ему-то и выпало по какому-то жребии в тот вечер уговорить детей.

По виду гостя, по тому, как аккуратно были причесаны его темные волосы, тщательно завязан галстук и пригнан костюм, мы ждали скучноватый рассказ, может быть, с историческими героями или что-то в этом роде. Зощенко начал говорить с совершенно серьезным видом. Это была

Много лет спустя, уже как читатель, я узнал ту «нашу» сказку в маленьком рассказе Зощенко про мальчика, которого утром любящая мама одела таким образом, что две его ноги попали в одну штанину. Мальчик стал падать, а мама, в панике не разобрав, почему ребенок совершенно потерял равновесие, бросилась за доктором.

Вот так, на моих глазах, родился маленький шедевр.

рядом она же идет по улице, и она же в платке смотрит в окно. А на мосту — опять Ахматова...

Бывала она у нас часто. И вот как-то раз после постановления 1946 года к нам в дом пришла девочка, влюбленная в Анну Андреевну. В те годы любить Ахматову было нельзя, и другие поклонники перевелись, а эта вдруг пришла. И вот ей дали чаю, за столом повисла какая-то чин-

черкнуто драматично продекламировала, медленно роняя слова:

«Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?» —

и подняла лукаво смеющиеся глаза. Представляете, в те дни, в те годы был такой высокий накал несчастья, и потому эта тонкая ирония прозвучала по-королевски.

Потом все подобные восторженные до обморока поклонницы, появлявшиеся в доме, так и звали за глаза «сжала-руки-под-темной-вуалью».

Да, шутить в любых невероятных условиях это поколение умело. И мне кажется, подобное качество достоинство королей, а не мудаков.

Представьте, насколько тяжело в последние свои годы Анна Андреевна передвигалась по улицам. Ее приходилось провожать в парикмахерскую или в ВИАПИ, чтобы получить какие-нибудь 150 рублей гонорара... И вот приходили — а там, конечно же, санитарный день, или обеденный перерыв, или что-то тому подобное. И так жалко ее становилось: старая, тяжелая, тащиась ради несчастных денег черт-те откуда. Но она поворачивалась и говорила:

— Все понятно. «Ахматовский час».

АРДОВ РИСОВАЛ МЕНЯ, Я РИСОВАЛ АХМАТОВУ...

Однажды Виктор Ардов нарисовал меня... шестидесятилетним. Прямо так и сказал: «Гляди, тебе шестьдесят два года, ты — народный артист...» У меня до сих пор где-то лежит этот рисунок, жаль, не могу его найти. Ну, очень похоже. Так вот, вроде ля-ля портретик, а ведь все предугадал. И лысину, и нос крючком, и этот подбородок... Ну, все!

У меня с рисованием особые отношения. Я специально учился и сам готовился быть декоратором. Думал, что в артисты мне дорога заказана, поскольку вряд ли смогу переплюнуть всю знаменитую родню: папу (тогда Аталова),

Алексей БАТАЛОВ:

«ШУТИТЬ, КОГДА НЕ ДО ШУТОК, — ДОСТОИНСТВО КОРОЛЕЙ»

не то сказка, не то был, потому как рядом с фантастическими событиями в ней принимали участие почти все находившиеся в тот момент возле нас предметы, а действующими лицами получались или Петька, или я, или кто-то из наших мам. Мы стали хихикать. Но чем смешнее закручивалась ситуация, тем серьезнее становился рассказчик. Через несколько минут мы уже закатывались от смеха, а взрослые, оставив свой ужин, с любопытством и завистью заглядывали в детскую.

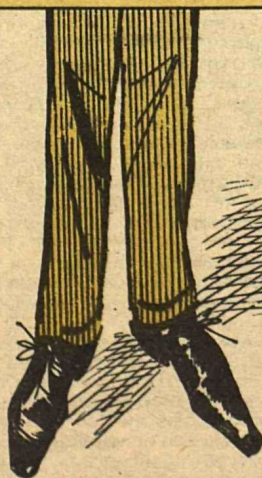
АХМАТОВСКИЙ ЧАС

Ахматову я впервые увидел лет в шесть.

Она не только приезжала из Ленинграда, но и сама вся, по моим понятиям, была ленинградская. Я представлял себе Ленинград (ранее я также писал об этом в книге) в виде каких-то улиц и мостов, заполненных множеством таких дам. Помню даже свой рисунок, имевший большой успех у взрослых, на котором примерно так и был изображен Ленинград. Ахматова едет в трамвае под номером «А»;

ная, чопорная атмосфера: Анна Андреевна надписала девочке книжку, а та была настолько восторженна, будто с луны прилетела. И получалось, что (с точки зрения восторженной поклонницы) мы все там были какие-то хамы: рядом Ахматова, а мы банально чай пьем. Пришлось подыгрывать, изображать скромников, благодетелей... Проводили девочку в дверь, и такая странная пауза в столовой образовалась. И вдруг, ни на кого не глядя, точно не замечая этого замешательства, Анна Андреевна под-

маму (Ольшевскую), тетю Лелю (Андровскую) дядю Колю (Баталова), тетю Мусю (Щербинину), дядю Витю (Станицына). Куда уж было мне! Вот почему я рисовал. За это самое меня и выгнали из школы. Я в уборной выпустил «вольномудскую» стенгазету. По нынешним меркам, ничего такого, но школа-то была правительственная — с пионерской организацией, с комсомольской, и ничего отдельно издавать там просто не полагалось. Директор позвонил Ардову и сказал: «Забери, чтобы завтра же его тут не

В. МОЧАЛОВ.

было!» Они дружили, потому тем и закончилось. А могло бы быть гораздо хуже.

Позднее я оказался в кругу художников «Крокодила», плакатистов, иллюстраторов, в общем, людей, которые постоянно по любому поводу легко и просто выражали свои мысли или шутили при помощи бумаги и карандаша. Я пытал счастье в живописи, бегал на уроки к замечательному художнику Роберту Фальку. Однажды Анна Андреевна Ахматова спросила меня, как идут занятия. Я стал рассказывать ей о своих сомнениях и трудностях (я тогда оказался на воинской службе в Центральной театре Советской Армии). Терпеливо выслушав мой сильно одобренный эмоциями монолог, Анна Андреевна долго молчала, а потом без тени иронии вдруг сказала:

— Жаль, что бросаете живопись. Я хотела предложить вам попробовать сделать мой портрет...

Это было в 1952 году. Картина, на мой взгляд, вышла неудачной. С той поры я больше никогда не писал портреты.

«ЧТО, МЭЖДУ ПРОЧИМ, И ХАРАКТЭРНО»

Бывают шутки, которые остаются со мной если не всю жизнь, то достаточно долго. Как, например, упомянутая уже строчка про «темную вуаль» или замечательная фраза из роли Ролана Быкова: «А если бы он вез патроны?»

Порой подобные шутки доходили до самых верхов. Было известно, что, например, Сталин на полном серьезе любил говорить фразу: «Что, мэжду прочим, и характерно». От него и много людей рангом ниже заразились. А мы лишь потом сообразили, что это словосочетание придумано Паустовским. И стали использовать его, когда кто-то что-то очень долго рассказывал, а человеку нельзя было напрямую сказать, что, мол, хватит, утомил, или что он просто дурак. И мы говорили «что, мэжду прочим, и характерно». И все, конец, потому что каждый этот код знал, фраза работала.

НОВЫЙ ПОЭТ — ПАСТЕРНАК

Однажды заболела Лидия Русланова. Отменили концерт, и сразу же пошли всяческие слухи. Что ее арестовали (ее-таки и арестовали, но гораздо позднее), что она умерла. Телефон надрылся. На очередной звонок подошел Гаркави, находившийся у больной дома, и мгновенно опроверг все слухи: «Русланова жива, но доступ к телу продолжается».

А в другой раз заболел сам Гаркави (ну, вы помните его эстрадный летучий стиль «утром в газете, вечером — в куплете»). Что-то было с животом, и очень скверное. Позволил его доктор:

— Ну, как вы себя чувствуете?
— Ничего.

— А стул был?
— Диван был!

Вот какой был народ! И это во времена, когда Достоевского играть — нельзя, Толстого — где о Боге — не надо, Салтыкова-Щедрина — не все можно. Ужасно, что мы играли всякую ерунду, а в концертах читали белиберду. Это было ужасно даже для меня, при наличии Дома, где собирались такие замечательные люди и где я мог узнать то, что обычному человеку при всем желании не удалось бы, — ни мандельштамовских стихов, ни ахматовских, ни пастернаковских.

Кстати, о Пастернаке, которого в нашем доме с легкой руки какого-то ребенка звали Монастырским. (Не знаю, почему, но именно так!) Как известно, он последние годы жизни тоже был в опале. И вот после долгого перерыва, когда и прочесть-то его негде было, Пастернак выступал на радио. Там работала милая, хорошая редакторша. Она послушала стихи и воскликнула: «Ой, какой милый, новый, свежий поэт появился!»

ТЕПЕРЬ СНИМАЕМ БЕЗ ОПАСКИ

Кино мне очень помогло. В театре-то был ужас: что бы я ни делал, все считалось «по блату» — ведь у меня все знаменитые родственники на сцене. Надо ли описывать, что в связи с этим я испытал полной мерой. А вот в кино — никого, и, приехав в послевоенный Ленинград работать по приглашению знаменитого режиссера Иосифа Хейфица, я оказался как бы человеком с улицы. Хотя, может быть, и в театре был со временем дослужился «до степеней известности»...

Кино парадоксально тем, что в отличие от условностей сцены играть приходится в живом, реальном мире. И это само по себе смешно и противоречиво.

Как-то снимали мы эпизод скрытой камерой, и там по сценарию актер в Гостином Дворе должен был толкнуть женщину. Он и толкнул ее. А из толпы в тот же момент вывернулся какой-то герой (какие времена были!) и незамедлительно дал этому актеру по морде!

Думаю с грустью, что, если бы сейчас этот эпизод повторить в том же Гостином Дворе, «фотография» артиста осталась бы целой...

А то еще у Донского монастыря снимали. Баба старая неслась по двору ведра. Ну, конечно, все оцепили, никого не пускают. Дали команду «мотор», идет эта баба, тяжелый быт рабочих изображает. А дед-то и выползи из подъезда. Прямо в кадр. Хрен его знает, откуда он взялся, жил, наверное, там. И Господь его поднял, когда она тащилась с этим ведром. «Давай, говори, помогу...»

Что, мэжду прочим, и характерно!

Воспоминания зафиксировал
Евгений ОБУХОВ.

С СОБАЧЬЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

- ❖ Люди думают, что мы любим кости, а мы-то любим мясо.
- ❖ Я с удовольствием узнал, что мой хозяин произошел от обезьяны.
- ❖ Не всякий, кто идет на поводке, это уже собака.
- ❖ На охоте не все стреляют. Некоторым приходится лаять.
- ❖ Мир не меняется, вот только блохи что-то становятся все назойливее.

(Из журнала «Пшекруй», Польша.)

Прислал А. БОЙКО, г. Азов.

ШАРИКИ

Мясник на приеме у юриста:

— Скажите, если собака стащила с моего прилавка кусок мяса, обязан ли ее хозяин уплатить мне?

— Безусловно.

— Ваша собака только что схватила с моего прилавка здоровенный бифштекс.

— Отлично, — сказал юрист. — Принесите мне еще один такой же бифштекс. Он как раз и составит гонорар за юридическую консультацию.

Один студент заявил приятелю, что получит миллион долларов, если научит свою собаку говорить.

— Чепуха! Кто это тебе заплатит миллион за говорящую собаку?

— Как кто? Фирма, выпускающая корм для собак. Она заплатит и больше, лишь бы собака молчала!

— Ваш Кинг — хороший сторож?

— Отличный. Когда к нам пытаются вломиться, мы будим Кинга, и он начинает лаять.

Гражданина укусила собака, оказавшаяся бешеной.

— Придется вас положить в больницу, — заключил врач.

— Нет уж, — заупрямился больной, — сначала я покусая ее хозяина.

ДАМА С СОБАЧКОЙ

Н. и Г. КОЗЛОВЫ.

ПОСОБАЧИМСЯ?

В. ЛУГОВКИН.

Эрнест СТЕФАНОВИЧ

ПЕЧАЛЬНОЕ СХОДСТВО

Студент в надежде сдать экзамен, Как добрый пес!
Да-да, похоже:
И смотрит умными глазами,
И ничего сказать не может!

ЧЕЛОВЕК И СОБАКА

Далекий предок бросил костью В зверька, чтоб только отогнать. А тот, решив, что рады гостю, Стал угощение глотать.

С тех пор и служит рядом, лая. «Друг человека», — говорят. Я не собака. Различаю Тех, кто мне рад, а кто не рад!

г. Вильнюс.

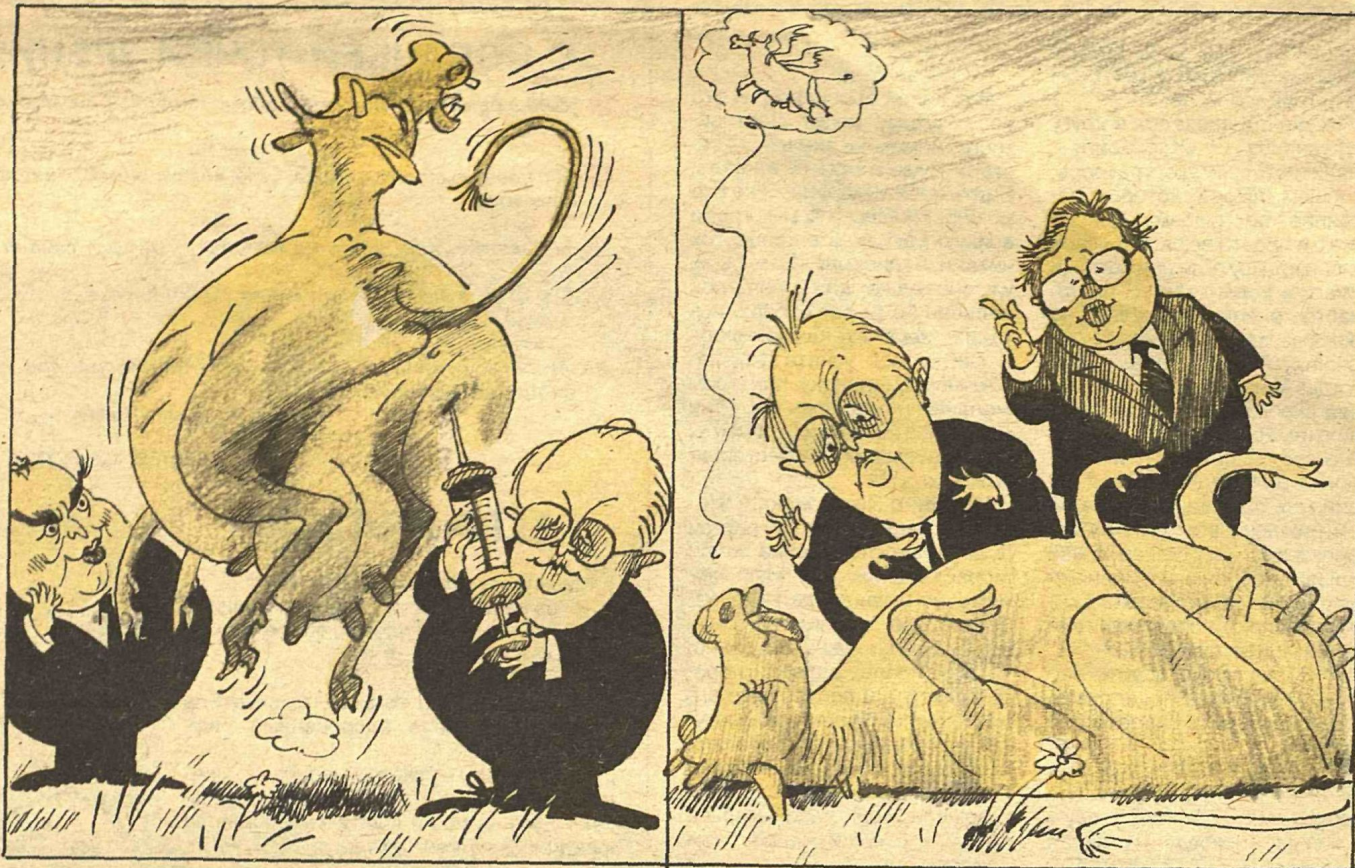
«Я КОСИТЬ ПОД АМЕРИКАНЦА НЕ УМЕЮ...»

шедшего толкового словаря? И составили его один?

Б. Ф. Было профессионально интересно работать над словарем. Я международник, люблю английский язык и на каком-то этапе почувствовал потребность в создании толкового англо-русского словаря валютно-кредитных терминов. В словаре 8 тысяч терминов. Готовлю продолжение. Половина уже написана.

К. Кроме сюжетов мультфильмов, толковых словарей, какое еще у вас хобби?

Б. Ф. Вот написал проект закона о Государственном банке. Это серьезно. Но иногда читаю детективы, чтобы не думать. А чтобы уж совсем расслабиться, смотрю фильмы про Джеймса Бонда. Подумываю об охоте. Но с охотой у меня слабо. Ружье я купил, но мне кажется, в животных я стрелять не смогу. Так что скорее это для самообороны, а самооборона у нас тоже ведь все

В. МОЧАЛОВ, Борис ФЕДОРОВ (тема).

Анна Петровна шьет шляпку. Встает, примеряет ее перед зеркалом. В дверь стучат.

Анна Петровна. Войдите.

Входит Пней Пнеич.

Пней Пнеич. Здравствуйте, Анна Петровна.

Анна Петровна. М-м... кого я вижу! Пней Пнеич, очень рада.

Пней Пнеич. Не помешал? Может быть, от дела оторвал?

Анна Петровна. Да нет, какие у меня могут быть дела! Вот шляпку переделываю. (Откладывает шляпку.) Садитесь.

Оба садятся.

Пней Пнеич. Как поживаете?

Анна Петровна. В унынии и скуке, как и полагается одинокой пенсионерке.

Пней Пнеич (замечает на комоде довольно большой гипсовый бюст). О, у вас обновка?

Анна Петровна. А, это?.. Племянник принес.

Пней Пнеич. Чье же это изображение?

Анна Петровна. Не узнаете?

Пней Пнеич. Не узнаю... Кто это?

Анна Петровна. Мольер.

Пней Пнеич. Мольер? С бородкой?

Анна Петровна. Да, с бородкой.

Пней Пнеич. У Мольера не было бородки.

Анна Петровна. А вы-то откуда знаете?

Пней Пнеич. По портретам. Нет, Анна Петровна, это не Мольер. Это кто-то другой.

Анна Петровна (в замешательстве). Кто же?

Пней Пнеич. Не знаю. Ваш племянник не сказал, кто это?

Анна Петровна. Не сказал. Я была уверена, что это Мольер...

Пней Пнеич. Можно поближе посмотреть?

Анна Петровна. Посмотрите.

Пней Пнеич встает, подходит к комоду.

Пней Пнеич. На нем парик! (Трогает парик.) Настоящий парик! Первый раз вижу, чтобы на гипсовом бюсте был парик.

Анна Петровна (волнуется). Пней Пнеич... я должна вам что-то сказать... Сядьте. (Пней Пнеич садится.) Вы мой старый друг... вам я могу довериться...

Но поклянитесь — никому ни слова!

ясню. (Садится, держа в руках парик.) Этот бюст всегда стоял у моего племянника. Но сейчас мой племянник перешел в другую партию, и этот бюст может причинить ему неприятности... Вот он и привез его ко мне, чтобы я его спрятала. Но куда я могу спрятать? Шкаф забит — в нем хранятся мои театральные костюмы. Пришлось поставить на комод и, конечно, замаскировать — ведь у меня соседи, могут

красиво. Только Вольский очень ногами шаркал, и от этого такая пыль поднималась и, конечно, летела ко мне в суфлерскую будку. Уж как я боялся, что начну чихать от пыли...

Анна Петровна (рассеянно). Пыль? Не знаю. Мы с Вольским так увлекались, не замечали никакой пыли. Какое это было счастье, быть на сцене! (Глубокий вздох.) Но мы отвлеклись от нашей проблемы. Так вы говорите, у Мольера не было бородки? У кого же была такая бородка?

Пней Пнеич. У многих. Да у того же Антона Павловича Чехова. Только он парик не носил.

Анна Петровна. Ну вот, а чем же я лысину закрою? Нет, Чехов не подходит. Может быть, закрыть чем-нибудь бородку?

Пней Пнеич. Чем?

Анна Петровна (роется в комоде, достает кашне). Вот этим кашне? (Повязывает на бюст кашне.) Вот так... теперь бородка не видна.

Пней Пнеич. А усы? У Мольера были маленькие усики, а тут вон какой куст!

Анна Петровна. Ну, усы — это мелочь. Пускай остаются. Их можно «скотчем» заклеить.

Пней Пнеич. Да... задал вам племянник задачу.

Анна Петровна. А я не жалуюсь. Я вам больше скажу: мне даже все это нравится!

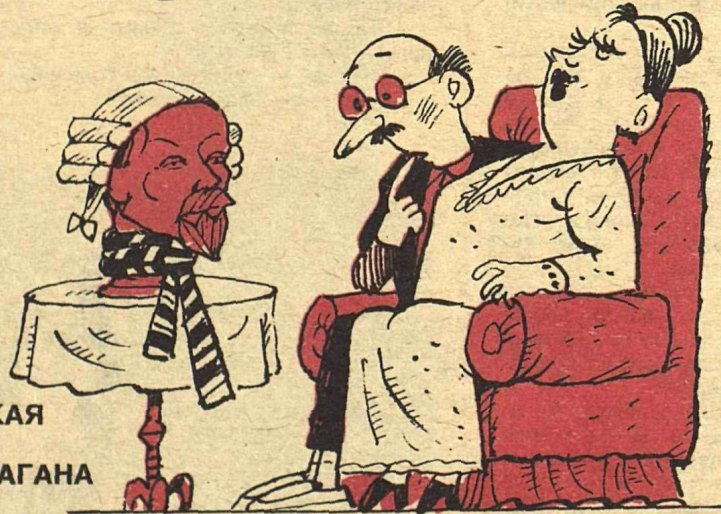
Пней Пнеич. Что нравится?

Анна Петровна. Эта конспирация... риск... Как вам объяснить? Это наполнило мою жизнь чем-то значительным... Я всегда любила рисковать. Как я понимаю Веру Засулич! Ну и, кроме того, я не могла отказать племяннику... Выбрасывать бюст он не хотел и был прав — ведь все может измениться, и этот бюст еще может понадобиться...

Занавес.

Муза ПАВЛОВА

МОЛЬЕР

МАЛЕНЬКАЯ ПЬЕСА ДЛЯ БАЛАГАНА

Пней Пнеич. Клянусь!

Анна Петровна. Это не Мольер. (Маленькая пауза.) Это Ленин.

Пней Пнеич. Ленин?!

Анна Петровна (встает, подходит к комоду, снимает с бюста парик). Ну что вы так удивляетесь? Бюстов Ленина не видали?

Пней Пнеич. Почему... видал... только не в парике.

Анна Петровна. Я вам все объ-

войти в любую минуту. Я решила надеть на него парик. Понимаете?

Пней Пнеич. Понимаю...

Анна Петровна (расправляет парик). В этом парике я играла маркизу Помпадур... Помните? (Встает, примеряет у зеркала парик.) А как мы с Вольским во втором акте танцевали! (Напевает менуэт, делает несколько па.)

Пней Пнеич. Да, танцевали

больше становится «хобби», и очень многих.

К. Скажите, какие забавные истории случаются в Минфине?

Б. Ф. Вся жизнь Минфина, наверное, состоит из них, если на жизнь смотреть с юмором. Ну вот такая хотя бы история. При каждой встрече силовые министры Грачев и Ерин обещали взять штурмом Минфин и забрать деньги, раз Минфин денег им не дает. А я отвечал: «Пожалуйста, вперед! Но мы будем отбиваться!» Еще забавнее была история с Джеффри Саксом. После выборов 12 декабря он пришел в Минфин перепуганный, волосы взлохмачены. «Все, — говорит, — Борис, конец. Вы должны срочно сделать заявление, что Джеффри Сакс здесь никогда не был. Не только в Минфине, но и вообще в России. Откреститесь от меня». Я его стал разыгрывать. «Да, — отвечаю, — скоро, наверное, на штурм пойдут, будем отбиваться. Вот вооружаемся». И показываю ему свое охотничье ружье. Он побледнел, покраснел, замахал руками: «Што ты гофришь, што ты гофришь!» Он человек эмоциональный и все воспринимал серьезно. Считал, что после выборов демократов разгонят, поэтому мне срочно нужно отрешиваться от рынка, от приватизации, от него и от Запада.

К. Кстати, о Западе. А вы могли бы представить себя живущим там постоянно, уехавшим насовсем?

Б. Ф. Уехать совсем невозможно. Кому мы там, по большому счету, нужны?

Когда я встречаю парня, который закончил наш институт и уехал в 23—25 лет в США, а теперь твердит: «Мы, американцы», — я говорю: нет, мы, москвичи. Это все смешно. Человек, который эмигрировал и получил гражданство, все равно будет русским. А я, например, косить под американца не умею, не хочу, да и не хотел бы скрывать, что я русский. Вообще ничего не нужно скрывать. Вот если я работал в ЦК КПСС, то не считаю, что это плохо. Я был девять месяцев партийным работником в ЦК.

К. В качестве кого вы работали, в каком отделе?

Б. Ф. Я был в специальной группе экономических советников при социально-экономическом отделе. Нас было человек десять, двое кандидатов, остальные доктора. Я был самым молодым сотрудником. Между прочим, мои кандидатская и докторская диссертации тяготеют не к социалистической экономике. Тема докторской, например: «Современная тенденция развития рынка капитала».

Считаю важным в жизни оставаться самим собой. Мне было интересно наблюдать, как люди защищали разные идеи со ссылкой на одну и ту же цитату. Источник-то один, все брали цитаты из одного справочного тома! Вот и вся техника меняющихся убеждений: истолковывают цитаты под очередного «хозяина». В июле 1990 года, когда пошла волна «выходить» из партии и все начали «выходить», я «не вышел». Мне

было как-то неудобно. Тогда я уехал в Лондон, так уж совпало, а партийный билет мой лежит дома.

К. У людей творческих — артистов, писателей — обычно «под занавес» спрашивают про их творческие планы. У финансиста и политика хочется спросить, как они повлияют на «творческие планы» простых смертных. Что нас ждет в будущем-то?

Б. Ф. Будущее будет таким, каким его построят сами люди. Если объявят президентские выборы и народ проголосует за Жириновского, тогда надевайте военную форму и идите отвоевывать Аляску. Каков уровень политической зрелости общества, таковы и результаты. Пока, по-моему, основ для оптимизма нет. Правительство как было коалиционным, так и осталось, не имеет базы в парламенте, большинство лидеров в правительстве не знают, куда идут. Если не будет сменена система государственного управления — не политическая система, — пока по-другому не начнут работать госаппарат, президент, премьер, министры, быстрых сдвигов быть в экономике не может. Пока у каждого министра по 10 телефонов и нужно добывать по 10 и более виз на решение какого-то дела, эта тягомотина, неэффективность в экономике будет продолжаться.

Беседу вел
парламентский корреспондент
«Крокодила» Аза ПАВЛОВА.

Раскроем секрет предыдущего «ящика» («Именной пистолет», № 6). Вспомните: после мафиозной разборки рядом с трупами на месте побоища был найден именной пистолет, по которому милиция вышла на его владельца — майора-отставника. Отпечатки пальцев на пистолете принадлежали майору, но сам он в перестрелке не участвовал. Спрашивалось: каким образом именование оружия майора с его отпечатками пальцев оказалось на месте разборки?

Отвечаем: пистолет у майора выкрали и, сохранив в неприкосновенности его отпечатки, подбросили на место преступления, чтобы направить милицию по ложному следу.

ФИАСКО

Вот, говорят, в камерах предварительного заключения у нас тесновато, много желающих отбыть наказание. А знаете почему? Преступник в стране негибкой пошел, действует по накатанному сценарию. А любая схема требует привязки к конкретным условиям того или иного уголовного деяния. Не привяжешь — и прощай воля, милости просим за решетку!

Троица горных орлов, специализирующихся на угонах машин, недавно потерпела фиаско. Захотелось им сменить амплуа и грабнуть квартиру. Выглядели они зажиточного старичка профессора. Ворвались к нему и затолкали беднягу в ванную комнату. То есть использовали хорошо известный по уголовной хронике прием. Мудрый, кстати, приемчик: хозяева квартиры не болтаются у грабителей под ногами, не цепляются за свои вещи, не раздражают душевными терзаниями, не провоцируют на «мокруху».

Короче, воспользовались чужими наработками, не произведя ориентировку на местности. За что и поплатились: милиция загребла их тепленькими на выходе из ограбленной квартиры.

Как вы думаете: что именно не учли преступники и как милиция узнала о грабеже?

ЖИЛИ-БЫЛИ...

● Жил-был Медведь, который, прежде чем лезть в теремок, застраховал его.

● Жил-был Грипп, который считал своим долгом ходить в народ.

Анатолий АНИСЕНКО,
г. Кузнецк.

БЕСТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

ВОДОКАЧКА — штурм.

ДВОЙНИК — дневник неуспевающего ученика.

ЕДИНОРОГ — муж, впервые ставший «рогатым».

ИНДИВИД — индийский пейзаж.

КУРЯТНИК — заядлый курильщик.

РЕВЕНЬ — плаксивый ребенок.

СМОРЧОК — носовой платок.

ЯГОДИЦЫ — мелкие ягоды.

В. ФИЛОНОВ,
г. Новозыбков.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Семья из 26 человек
снимет угол.

Полюблю Отчизну.
Оплата в СКВ.

Прислал А. ПЕРЛЮК,
г. Кировоград.

А. ВАСИЛЕНКО.

А. КЛИМОВ.

Лев ЛАЙНЕР

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

— После путча-2 у меня в квартире отключили электричество. В чем дело?
— Не знаем. Возможно, вместе с советской властью уходит электрофикация всей страны.

— Говорил ли Сталин, что самое большое богатство — это люди?
— Говорил. Но был щедр.

— Как вы думаете, где сейчас спокойнее жить: под Воронежем или под Москвой?

— Спокойнее всего сейчас жить под кайфом.

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНЫХ

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

— Какова ваша заветная мечта? — спросил как-то один из фаворитов у Людовика XIV.
— Я хотел бы быть Людовиком XV, — скромно признался король.

МЮНХГАУЗЕН

Однажды барон Мюнхгаузен отправился в путешествие. Войдя в карету, он представился попутчикам, назвав свое имя. Но никто ему не поверил!

З. ВОСАРАТ.

НА ДЕГУСТАЦИИ

Как-то знаменитого композитора Гаянго Доницетти пригласили прослушать его знаменитую оперу «Волшебный напиток» в одном из престижных театров Европы.
— Ну и как напиток? — поинтересовались у автора репортеры.
Доницетти только всплеснул руками: — О Боже, и здесь разбавляют!

Ю. ВОИТЕЛЕВ.

ДУРАЦКИЕ ВОПРОСЫ

Зачем правым левое полушарие?

Стоит ли отстаивать свои принципы в очередях?

Когда же наш рубль начнет набивать себе цену?!

Евг. ТАРАСОВ.

«ЧЕРТОВА ДЮЖИНА»

Пять лет назад 13 лауреатов и дипломантов Московского городского и областного конкурса сатиры и юмора создали свой клуб. Учредительное собрание прошло 13 мая в Москве на ул. Чернышевского, 13. Так что вполне закономерно родилось название творческого объединения — «Чертова дюжина». Заседания клуба проходят отныне 13-го числа каждого месяца в Центральном доме журналиста. И уже третий год 50-тысячным тиражом выходит одноименная газета. Поздравляя коллег с их мини-юбилеем, Крокодил знакомит читателей с фрагментами «из неопубликованного».

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Гр-н Носорук вылетел с работы. Центр управления полетом сообщает: «30 секунд, полет нормальный».

Ю. ВОИТЕЛЕВ.

ПЛОДЫ ПЛЮРАЛИЗМА

По многочисленным заявкам жителей Портянского района с сегодняшнего дня начинается глушение всех передач Московского радио.

И. МАКИЕНКО.

ТАМАРАЗМАТИЗМЫ

● Так и живем: цены — рыночные, а отношения — базарные.

● Часто индивидуальный подход требует объездных путей.

● Нашими дорогами только пыль пускать в глаза.

● Чтобы дать тягу, необходимо преодолеть тяготение.

Тамара КЛЕЙМАН.

КРУТЫЕ МЫСЛИ

● Судьба улыбнулась ему, чтоб показать свои зубы.

● Все люди — братья. На земле — по крови, на других планетах — по разуму.

● Все несчастья человека оттого, что он создан только для счастья.

● Бульжник — философский камень люмпена.

● Особенно опасен всадник без головы во главе эскадрона.

Борис КРУТИЕР.

РОДИНА СМЕЕТСЯ

— Ты что смеешься, бедолага Русь?

— Да разрыдаться горестно боюсь.

А. ЧИСТЯКОВ.

ДВУЛИЧИНКИ

«Я хотел бы умереть в Париже...»

Но, увы, возможностей не вижу.

«Что так сердце, что так сердце растревожено?..»

Да ребенок попросил купить мороженое.

Б. ЗАМЯТИН.

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

КАК ЭТО ПО-ЧЕХОВСКИ!

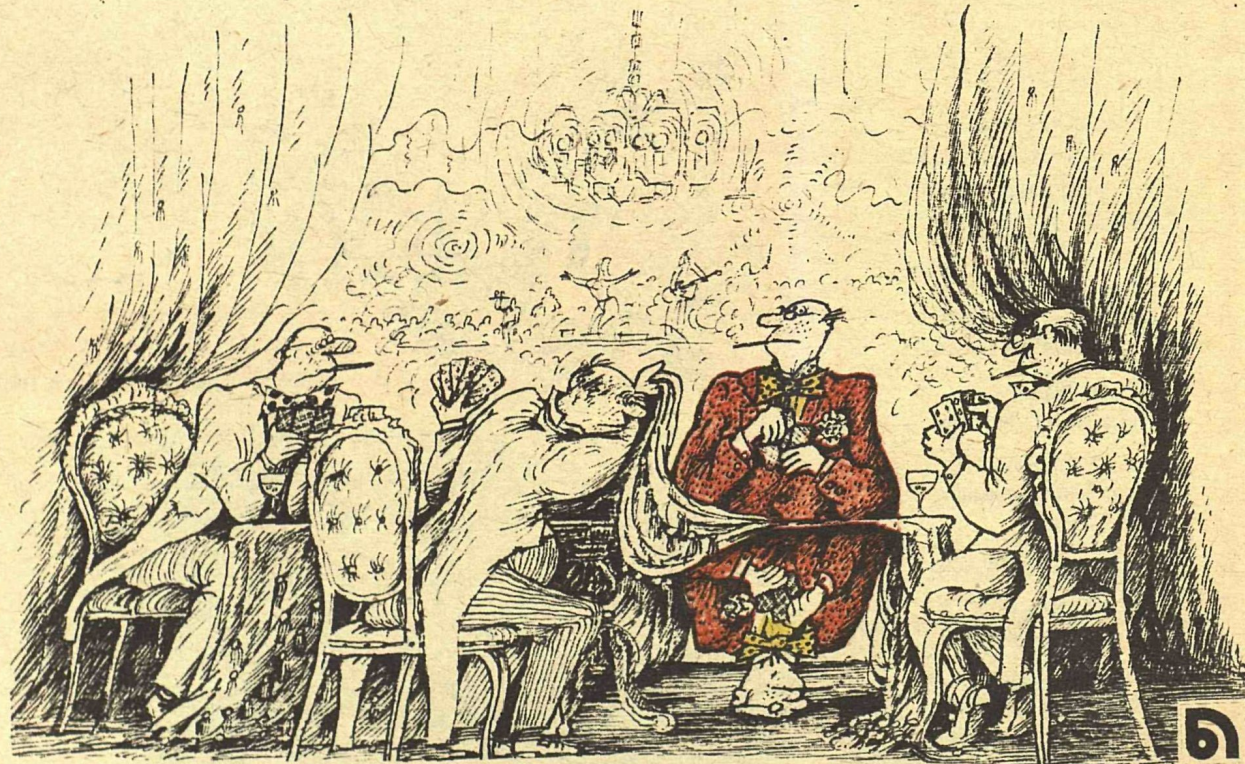
Из записной книжки А. П.: «Черкесский князь ехал в малиновом щербете в открытом фельетоне».

Сидя с одним из гостей на берегу маленького пруда в Мелихове, Чехов говорил, что у него там караси, но он намерен дать им конституцию.

«Это стоит всего Урениуса», — сказал однажды Чехов Бунину, вспомнив «Парус» Лермонтова. «Какого Урениуса?» — «А разве нет такого поэта?» — «Нет». — «Ну, Упрудиуса», — уточнил А. П. серьезно.

Бывало, мать Чехова, Евгения Яковлевна, поручала с вечера братьям Антону и Ивану сходить пораньше утром на базар и купить там провизии к обеду. Однажды Антон купил живую утку и, пока шли домой, всю дорогу теревил ее, чтобы она громко кричала. «Пускай все знают», — говорил он, — что мы тоже кушаем уток».

Напомнил А. БЕЙЛИН, г. Москва.

П. КУЛИНИЧ, г. Сочи.

КРОКОДИЛ

Журнал сатиры и юмора

№ 7 (2763)
июль 1994

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Алексей ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья БУХАЛЁВА (ответственный секретарь),
Борис ЕФИМОВ, Лидия ЖЕСТКОВА, Михаил КАЗОВСКИЙ,
Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ (зам. главного редактора),
Эдуард ПОЛЯНСКИЙ, Святослав СПАССКИЙ (главный художник).

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Во время шторма капитан обращается к пассажирам:
— Джентльмены, я вас прошу: успокойтесь! Нет никакой опасности! А детей и женщин мы посадили в спасательные лодки потому, что я хочу вам рассказать один пикантный анекдот!

Клерк в банке обращается к директору:
— Мне кажется, что вы мне не доверяете.
— Что вы! Я даже ключи от сейфа оставляю на столе!
— Да, но ни один из них не подходит!

Ударник в симфоническом оркестре шепчет тромбонисту:
— Какая следующая пьеса?
— Английский вальс..
— Черт! Я его только что исполнил!

Встречаются два страуса. Один спрашивает:

— Знаешь, почему все страусы зарывают головы в песок?
— Почему другие делают — не знаю. Я иду нефть.

Фотограф обращается к популярной фотомодели:
— А сейчас попробуйте изобразить на лице глубокое размышление. Я вам помогу: сколько будет семь умножить на девять?

Из казино в Монте-Карло выходят двое мужчин — один совсем голый, а другой в трусах. Голый говорит:
— Больше всего я в вас ценю то, что вы умеете вовремя остановиться.

Семья Свенссонов переехала в большой город и поселилась на самом верхнем этаже многоэтажного дома. Когда они первый раз поднимались на лифте в свою квартиру, один из детей спросил:
— Мамачка! А боженька знает, что мы к нему едем?

— Что ты тут намалевал? Кругом же дети!
М. КИМ.

ЗАМЕТКИ ИЗ МАКЕДОНИИ

Христо ФИЛЧЕВСКИ

Теперь у нас есть все. За исключением того, что нам обещали политики перед выборами.

Васил ТОЛЕВСКИ

У нас обязательно должен быть царь! А иначе что мы будем делать с таким количеством шутов, которые нас окружают?

Живко ПАВЛОВ

Если бы вместо романа «Война и мир» Толстой начал писать «Гражданская война и мир», то его произведение так бы и осталось незавершенным.

Йовица АНГЕЛОВСКИ

Наши политики вполне нормальны. Но похоже, что не совсем нормален народ, раз терпит таких политиков.

РАССЕЯННЫЕ МЫСЛИ

Константин КОСТОВ (Болгария)

О ТЕКУЩЕМ
МОМЕНТЕ

Сегодня парламент отложил принятие закона Архимеда в третьем чтении.

СОБЫТИЯ
НА МАРШЕ

Сначала мы видели домохозяек с маршем «пустых кастрюль», а теперь наблюдаем правительственный марш «пустых голов».

ГОРОДСКИЕ
НОВОСТИ

Трамвайные билеты опять подорожали. Теперь каждый в трамвае может себя чувствовать, как в такси!

Собрал и перевел Игорь ИЛИНГИН.

А. КЛИМОВ.

А. ЛЕВИТИН, г. Самара.

ОН БЫЛ С АРБАТА

Стояло жаркое июньское утро 1991 года. Крокодильская бригада на поезде «Куйбышев—Москва» возвращалась из командировки. Имануил Ильич жевал жареную курицу, с чмоканьем откусывая помидор и в своей обычной манере, выстреливая десять слов в секунду, говорил о том, что военного переворота у нас не будет. За день до этого мы смотрели по телевизору в гостиничном номере выступление генерала Макашова на учредительном съезде КП РСФСР, и настроение было так себе.

— В армии много трезвых голов, — продолжал Левин. — Я в последнее время часто выступал перед военными — рассказывал о моих фронтовых дорогах, правду о генерале Власове. И берусь утверждать: макашовых — меньшинство. — Он вытер губы салфеткой, принялся размешивать сахар в стакане чая. — А заботит меня другое: рецидивы антисемитизма. Буду писать об этом. — Помолчал и добавил: — Я уже перешел ту жизненную черту, за которой бороться с подонками не страшно.

Он боролся с подонками и как профессиональный юрист (много лет отработал в прокуратуре), и как профессиональный фельетонист, сатирик. Но вообще его энергии хватало на очень многое: на рассказы и эстрадные скетчи, многоактные комедии и репертуарные сборники, на заботу о ветеранах «Крокодила» и о молодых юмористах, семинар с которыми под руководством Левина превратился в клуб «Чертюва дюжина». Имануил Ильич все делал темпераментно, с азартом: вел юмористические разделы в «Вечерней Москве», в журналах «Москва» и «Человек и закон», а у нас в «Крокодиле» занимался рубрикой «Помнить!», где помогал бывшим бойцам Великой Отечественной. И не так давно с тем же энтузиазмом работал в оргкомитете по проведению 800-летия Арбата — даже выпустил толстую книгу об истории старой московской улицы. Ведь и сам он был арбатский паренек, сразу после школы ушедший воевать, дослужившийся до начальника разведотдела армии, удостоившись орденов и медалей...

Но вот пришла печальная весть: Левина больше с нами нет. Как жил — рьяно, горячо, на высоком накале, — так и сгорел в одиночестве...

Но остались друзья, коллеги, однополчане. И в России, и за ее границами. Остались книги, главная из которых — «Записки военного переводчика». Значит, осталась память. Добрая память. А это самое важное.

КРОКОДИЛЬЦЫ.

Художественный редактор Диана МАЗУР.

В оформлении номера участвовал В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

Редакция знакомится со всей поступающей почтой и ведет переписку по мере необходимости. Присланные литературные и изобразительные материалы не рецензируются. Рукописи меньше 2 авторских листов не возвра-

щаются. Перепечатка из «Крокодила» допускается только со ссылкой на журнал и с разрешения редакции. НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ: фельетонов — 250-46-68, литературы — 250-16-63, художественного — 250-09-70, распространения — 257-35-47, рекламы — 212-13-59. Приемная — 257-31-14.

Сдано в набор 19.05.94. Подписано к печати 27.05.94. Формат бумаги 70 × 108 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 11,20. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 228 600 экз. Зак. № 1468. В розницу цена договорная.

Журнал зарегистрирован Министерством печати и массовой информации России. Свидетельство № 01535.

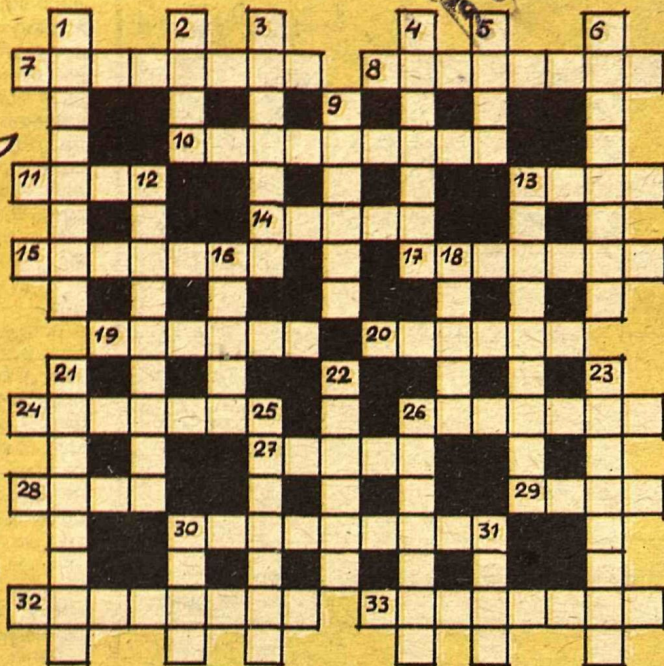
Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© «Крокодил», 1994.

КРОКОДИЛ

№ 7 • 1994

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Отравпункт (общепит.). 8. Вилка для дегустации звуков (муз.). 10. Вторая — после коммунизма — заветная мечта Е. Лигачева. 11. Инструмент похлеще топора. 13. Единственный, кто может заставить мужика перекреститься. 14. Характер — не дай Бог. 15. Кошелек или жизнь (философск.). 17. Шутка, которой можно срезать. 19. Отпуск, в который дамы уходят в одиночку, а возвращаются в компании. 20. Насест для сверчка. 24. Отуженный ландшафт. 26. Волчья профессия (лесн.). 27. Место, где в цирке ходят по струнке. 28. Благородное дело. 29. Маленький, да удаленький (энергетич.). 30. Рифмодел. 32. Приманежники (цирк.). 33. Петербургский «Саламандер».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Вечный» юбилей. 2. Сладкий метательный снаряд (комедийн.). 3. Место, где хорошо пьется за здоровье капитана (песенн.). 4. Привычная форма общения продавца с покупателем (совков.). 5. Выступление, которое толкают. 6. Верх низости. 9. Чего у народных депутатов часто не хватает. 12. Потенциальный орденоносец. 13. Максигорлышко.

16. Сивое транспортное средство. 18. Одинокая на Севере диком. 21. Минотаврина обитель. 22. Испанский мистер. 23. Карусель для п. 29. 25. Волга впадает в Каспийское море (математич.). 26. Степень подпятия (сапожн.). 30. Роддом для истины. 31. Брутто без нетто.

Составил О. СЕИН, г. Киев.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Купе. 5. Арфа. 7. Тетива. 8. Монокль. 15. Рукав. 16. Детонатор. 17. Крупа. 18. Сварщик. 20. Триллер. 21. Агрегат. 25. Спорщик. 26. Керагаз. 27. Счеты. 28. Шизик. 31. Пескарь. 32. Корабел. 36. Береста. 38. Колизей. 39. Пьяница. 43. Давид. 45. Кикбоксер. 46. Клоун. 47. Чурбак. 48. Гитара. 49. Дума. 50. Ежик.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Медведь. 2. Каморра. 4. Устав. 6. Франк. 7. Токарь. 9. Огурец. 10. Кров. 11. Вторник. 12. Гниль. 13. Стрелец. 14. Лапа. 19. Импишмент. 22. Грабитель. 23. Арктика. 24. Номинал. 29. Ермолка. 30. Копейск. 33. Первач. 34. Виток. 35. Ангора. 37. Езда. 40. Цент. 41. Акскал. 42. Орхидея. 44. Дерсу. 46. Краги.

